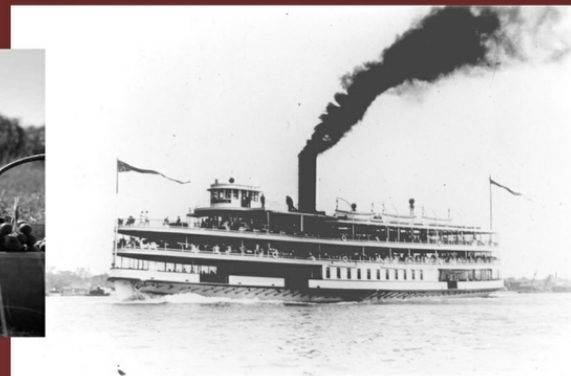

Анатолий Репецкий

ВЕРЬ СВОЕМУ АНГЕЛУ

16+

Анатолий Репецкий
Верь своему ангелу

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Репецкий А. Т.

Верь своему ангелу / А. Т. Репецкий — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Увлекательный исторический детектив, в котором переплетены причудливым образом судьбы героев. В каждом моменте ты погружаешься в эту атмосферу событий, почти столетней давности. Неожиданные встречи, любовь героев, яркая детективная линия.

«При помощи совпадений Бог сохраняет
свою анонимность»

Альберт Эйнштейн

По пустынным улицам ночного городка Федала движутся три всадника. Ночь настолько темная, что невозможно различить что-либо в трех метрах, но первый всадник, в красной феске и накинутом на плечи черном плаще, видимо хорошо знает дорогу – едет уверенно, лавируя по кривым узеньким улочкам. Следующему за ним дорогу знать не обязательно, его лошадь привязана бечевкой к седлу переднего, а сам он лишен всякой свободы: руки привязаны к луке седла, ноги к стремянам, и даже рот заклеен пластырем. На голове мешок, чтобы не видел, куда его везут. Это Владимир Макаров, одетый в костюм бедуина. У сопровождающих его арабов есть подозрение, что у их пленника здесь полно сообщников, потому такие меры предосторожности: чтобы не убежал и не позвал на помощь. Наконец они выбрались за окраину и пустились рысью, рассчитывая еще до восхода солнца покинуть оживленные пригородные места. Но рысили они недолго, у одного из них захромала лошадь, они перешли на шаг, но это не помогло. Выход был найден просто: Владимира распеленали и спешили, а араб пересел на его лошадь. Когда его привязывали за пояс к седлу его теперь уже бывшей лошади, он неожиданно рассмеялся.

– Ты это по поводу чего? – удивился Тордо, тот, который ехал первым.

– Хорошо, что вы еще ее седло не привязали мне на спину, – ответил поручик

– Мысль неплохая, может быть, мы еще так и сделаем, так что не очень смейся, – зло бросил араб. Он был зол на поручика, так как подозревал, что это именно он так больно шелкнул его по макушке, там под крепостной стеной, но доказать этот факт не мог. Да и доказывать было опасно, вся эта история, наверняка дошла бы до Перколе, в результате наказали бы его, Тордо. А если тогда и была передана информация о предстоящей продаже пленников? Тогда для него все это могло закончиться полнейшей катастрофой.

Владимир сейчас пытается хоть примерно разгадать намерения Турка; из подслушанных разговоров охранников (они не знали, что он понимает арабский, и говорили обо всем) можно было предположить, что у Тордо есть замысел, который не обязательно совпадает с планами Перколе. Но что конкретно? Ему пока лишь известно, что именно Тордо получил из рук людей Дабаз-Хана французских офицеров, найденных возле упавшего в горах самолета, и доставил их в замок. И именно с него и спросит за них неумолимый Дабаз. И что он ответит? Ни денег, ни товара. Перколе не станет ему помогать, так как считает, что именно подчиненные Турка проворонили явный барыш. Теперь этот новый пленник, француз он или русский неважно – в любом случае крупная птица – его единственный шанс договориться с Ханом. Но до Хана еще нужно добраться. Из-за захромавшей лошади они движутся теперь очень медленно; решено отыскать большую деревню, где обязательно будет кузница. Своего пленника он мог бы заставить бежать, пусть даже при помощи плетки, но лошадь жалко. День приближался к вечеру, когда со стороны перевала появилась огромная черная туча, предвестник скорого дождя. Она быстро двигалась им навстречу; ливень в горах опасен, и они принялись отыскивать хоть какое-нибудь убежище. Вскоре, на их удачу, они наткнулись на пустую саклю; была ли она построена на случай непогоды или же почему-то брошена хозяевами – неизвестно, но она их прекрасно устраивала. Большая комната пристроена к отвесной скале, в ней был очаг, который их согрел и напоил чаем. В углу запас дров, на столе сухари в глиняном горшке с крышкой, соль и заварка для чая. В этой комнате расположился Тордо, в двух других, совершенно маленьких, Владимир и второй араб по имени Фарид. Владимира обмотали веревкой вокруг пояса, а оба ее конца привязали к крюку в комнате Фариды. Угол этой комнаты держится на мощной вековой сосне,

в которую и вделан этот крюк; возможно, что к нему когда-то привязывали лошадей. Гроза вовсю бушевала там наверху, а здесь прошелестел лишь небольшой дождь, который не помешал им крепко уснуть. Среди ночи поручика разбудил неясный шум, он доносился со стороны перевала. Что-то неведомое и очень шумное двигалось в их сторону, гул становился все громче, превращаясь в настоящий грохот, который уже совсем рядом. Он подергал за веревки, чтобы разбудить своего стража, но ничего не добился. Тогда он поднялся, намереваясь дотянуться до двери, когда их маленькую хижину потряс страшный удар. Это был сель, примчавшийся сверху, чтобы разрушить их убежище. Все три поперечные стенки снесло мгновенно, осталась только продольная и часть крыши, которая, вероятно, держалась еще и на ветвях дерева. Владимира спасло то, что он в момент обрушения стоял на ногах и стены оказались сложенными из мелких камней на глине. Поток хлынул со страшной силой, но его удержали веревки, обмотанные вокруг пояса. В этот миг в сплошном водовороте он увидел мелькнувшие человеческие руки, тщетно пытающиеся ухватиться хоть за что-нибудь и бледное, искаженное ужасом лицо. Он все же успел схватить за одежду несущегося мимо араба и удержался в этом бушующем и грохочущем извержении воды, грязи, песка и камней. Поручика надежно защищал толстый ствол дерева, который разделил поток на два ручья, оставив для него крохотный безопасный островок. Сель уже добрался и до комнаты, в которой находился Тордо, боковая ее стена рухнула, и Владимир увидел стоящего на кровати обладателя красной фески. Практически ему ничто не угрожало, ибо две другие стенки образовывала скала – монолит, которому никакой сель не страшен. Но лишенная опоры крыша начала медленно опускаться вниз, ее деревянная основа громко трещала, и нервы Тордо не выдержали. Наверное, ему показалось, что самое безопасное место там, рядом с Макаровым, удерживающим над бешеным потоком Фарида, и он решил перепрыгнуть со своей койки к нему. Но не рассчитал свои силы: он был слишком тяжел для такого прыжка и рухнул в середину бурного водоворота, который унес беднягу в ночную тьму. Владимир из последних сил старался не упасть, что означало бы выпустить из рук человека, который не подавал признаков жизни. Гроза все еще бушевала где-то наверху, но уже с меньшей яростью, и грязевой поток постепенно слабел, пока не утих совсем. Поручик снял кинжал с пояса араба, перерезал веревки и перенес его в соседнюю комнату; несмотря на наклонившийся потолок, там было сухо. Он положил на постель безжизненного молодого человека и осмотрел его. Множественные ушибы и ссадины на спине, голове и плечах, но ни одной, опасной для жизни. Владимир наклонился, прислушался и уловил слабое дыхание; юноша был жив. Макаров развел огонь и перенес Фарида к очагу, где он согрелся и открыл глаза. Слава Богу, хоть один жив, подумал он, может, теперь стоит пойти, поискать другого? Он вышел из хижины; солнце только собиралось выглянуть из-за вершины горы, а его яркие лучи уже заполняли блистающий чистотой лазурный небосвод. Воздух тоже чист и прохладен, птицы только просыпаются в кронах деревьев и расщелинах скал и робко пробуют свои голоса. Услышав человека, тоненько заржала лошадь; он заглянул за скалу, у животных, привязанных под нависшей скалой, все в порядке, и воды вокруг вдоволь, чего нельзя сказать о корме. Владимир отвязал притороченный к седлу мешок и дал им овса. После этого он отправился вниз по следу только что пронесшегося потока. От унесенного полчаса назад Тордо нигде никаких следов, будто некая неведомая сила утащила его на небеса. Он решил все же дойти до того места, где тропа делала поворот у самого края пропасти. Тоже никого, и он уже решил вернуться, когда вдалеке увидел нечто чуточку красневшее на фоне серых камней. Это была феска, бывшая прежде ярко красной, зацепившаяся за уцелевший куст дрока. Поручик подошел к краю пропасти и заглянул вниз: на первом же уступе на таком же кустарнике распростертое тело Турка; он окликнул его несколько раз и, не получив ответа, направился к сакле. Когда Владимир приблизился, лошади, услышав его шаги, снова обозвались, и он подошел к ним; овес – это конечно хорошо, но им так хочется травы, заманчиво зеленеющей после дождя. Он стреножил двоих, оставив хромую свободной, уж коллектив она точно не бросит, и вошел в помещение.

Фарид спал, судя по всему, его жизнь вне опасности, а что с Тордо – предстоит еще выяснить. Но почему он должен этим заниматься, ведь это его враги, и заботиться ему о них вроде бы ни к чему? У него теперь есть лошадь, у седла Тордо приторочен карабин, в сумке револьвер, и, главное, он свободен. Им он оставит полторы лошади, как-нибудь доберутся. Хотя нет, пока Фарид не оклемался полностью, интересно все же взглянуть, что там с его начальником. Он связал все веревки, которые у них были в одну, и снова отправился к обрыву. Понятно, что кустарник его вес не выдержит, но если перекатить этот большущий камень к его корням, то получится надежный якорь. Владимир привязал к камню веревку и спустился на уступ; Тордо лежал ничком и не проявлял признаков жизни. Он осторожно перевернул араба: все лицо в ссадинах и на макушке пробитая голова, к счастью, кровь запеклась, и рана больше не кровоточила. Но это сейчас, а как было прежде, неизвестно, дождь смыл все следы. Поручик приложил пальцы к шее; пульс еле-еле, но все же прощупывался под посеревшей кожей, значит Турок жив. Сейчас стоит попробовать привести его в чувство. На поясе у Владимира две фляги: одна с водой, другая с коньяком, обе он взял в сумках у своих церберов. Арабы, известно, особо не пьянствуют, но немножко употребляют, и еще спиртное возят с собой как лекарство. И он им воспользовался: смешал с водой в равных долях и влил несколько капель в запекшиеся губы Тордо. Тот судорожно глотнул и открыл глаза.

– Help me!* – тихо прошептал несчастный. Это же надо, удивился Макаров, германский разведчик по кличке Турок (именно так назвал его Перколе несколько раз, если конечно все это не было обзыванием) попросил вдруг помощи на английском языке. Хотя это все вполне закономерно при таком смешении разведок многих стран в этой стране.

– Who are you? – поинтересовался поручик.

– Тэд Джефферс, сэр. Простите, лейтенант Тэд Джефферс, сэр

Раненый явно бредил и принял Владимира за кого-то другого. Ладно, на этом следует остановиться, лейтенант слишком слаб, чтобы вести беседу. Стоит подумать, как его вытащить отсюда; нечего даже надеяться, что ему это удастся в одиночку, судя по комплекции, в нем не менее центнера веса, если не больше. Поднять такого на пять метров, не столь просто даже двоим здоровым, а Фарид пока не помощник. Значит, вся надежда на лошадей и на веревки. И этого у него достаточно. Теперь следует изготовить деревянный щит, чтобы не содрать с Тордо последнюю кожу.

Help mi – помогите (англ.) Who is you – кто вы (англ.),

К счастью в сакле нашелся топор; поручик вытянул из полуобрушенной кровли несколько подходящих досок и сколотил из них нечто похожее на носилки без ручек, но зато на полозьях, чтобы хоть чуточку скользить по каменной стене. Спустив вниз свое изделие, он отправился к лошадям, дружно щиплющим сочную траву у самого подножия горы. Одна из них подняла голову и приветствовала его тихим коротким ржанием; он узнал в ней ту, на которой он выехал из крепости. Судя по ее поведению, она немножко считает Макарова своим новым хозяином. Это уже хорошо, можно надеяться хоть на какое-то послушание с ее стороны. Погладив лошадь по голове и шее, он угостил ее сухарем из сумки Фарида и привел к обрыву, где привязал к тому же камню. Обвязавшись веревкой, спустился на уступ; вначале он собирался перекатить Тордо на носилки и к ним привязать, но затем понял, что в таком положении ему его не поднять.

Он прислонил их вертикально к стене, обвязал араба под мышками и вокруг пояса и снова влил в него немного коньяку с водой. Хлебнув и закашлявшись, Тордо открыл глаза. Владимир набросил конец веревки на торчащий вверх ствол лоха; дерево тонкое, но в качестве блока должно выдержать.

– Тордо, ты слышишь меня? – обратился к нему поручик. Удивительно, но тот кивнул. – Я тебя подниму и попробую привязать к доске, постарайся постоять, хотя бы полминуты, и не упасть. Понял? Полминуты! – Тот снова кивнул. Но пока Владимир заводил ему веревку за спину, его колени подогнулись, и Тордо сел. Так повторилось несколько раз, пока Макаров

не догадался притащить большой камень и привязать его к веревке как противовес. Теперь он поднимал пострадавшего, а камень тоже через ствол тянул вверх, хоть чуточку его поддерживая. Очередное усилие увенчалось успехом: он успел закрепить лейтенанта, прежде чем тот сполз вниз. Теперь все зависит от лошади, конечно, все было бы намного проще, если бы у него был хомут и постромки, а так пришлось привязать веревку к луке седла и тянуть не прямо, а чуть наискосок. Из двух толстых досок, соединенных толстым гвоздем, ему удалось соорудить некое подобие подъемной стрелы. Он долго гладил лошадь по шее и говорил ей разные ласковые слова: «ну, голубушка, всего несколько шагов, только потихоньку, прошу тебя». Они сделали эти несколько шагов, край носилок уже показался над обрывом, но веревка вдруг натянулась до предела.

– Стой! – скомандовал он лошади, и та послушно остановилась. Поручик бросился к обрыву; одна из поперечных досок, выступающая за полозья, уперлась в камень в полуметре от края. У него ничего не оказалось под рукой, поэтому пришлось сесть на самый краешек и ногой попытаться оттолкнуть щит от препятствия – занятие крайне опасное, держаться было не за что, а сорваться с обрыва он мог в любую секунду. Наконец он отцепил доску, но кто будет руководить движением? Если он отпустит ногу, щит тотчас же вернется на прежнее место. Владимир оглянулся: умное животное стояло, повернув к нему голову, словно ожидая дальнейших распоряжений. «Но, пошла, – негромко сказал он лошади, и та послушно потянула салазки, а они поднялись над скалой почти вертикально и затем рухнули вниз так резко, что он едва успел кувыркнуться через голову назад, чтобы не попасть под удар. Лошадь остановилась и снова оглянулась на человека. Поручик подошел, обнял ее за шею, так они простояли почти целую минуту. Человек и лошадь, только что проделавшие вместе труднейшую работу и словно понимающие ее значимость для того третьего, так громко застонавшего после удара о каменистый грунт. Но ничего, самое страшное уже позади.

Фарид уже настолько пришел в себя, что Макаров застал его подкладывающим в печку дрова. Дело с Тордо обстояло гораздо хуже, видимо, большая потеря крови, и кроме внешних повреждений, возможны внутренние, с которыми ему так просто не справиться. Они уложили его на тюфяк прямо возле очага и развели максимально большой огонь; как-никак он пролежал под дождем почти шесть часов, в результате совершенно холодные конечности, посеревшая кожа и прерывистое дыхание. Но кроме, как дать ему тепло, у Владимира нет ничего, и он все-рез опасается за жизнь Турка. Он поддерживает огонь и варит суп из куропатки, благо всякой дичи здесь полно. Хотя, кто они ему такие, чтобы о них заботиться? Нужно спасать себя и потому сматываться отсюда побыстрее. Но что-то удерживает его возле этих несчастных, и он варит им чай из чабреца и ромашки – это тоже входит в лечение. К счастью суп из дичи и витаминные чаи сделали свое дело; уже на следующий день Фарид окреп настолько, что заявил о своей готовности привезти из города врача. «Ну что же, пусть едет, решает поручик, я отправлюсь вслед за ним». Вслед за ним – это потому, что он не имеет никакого представления, где они находятся: мешок на голове и темная ночь сделали свое дело. Но не смог уехать тотчас, его подопечному стало настолько плохо, что он не мог его оставить одного. Пока он с ним возился, наступила ночь, и ему пришлось дожидаться рассвета: отправляться в темноту без каких-либо ориентиров не имело смысла. Макаров считал, что два-три часа до возвращения Фариды у него есть, но все пошло по-другому. За окном только начинало сереть, когда во дворе возник непонятный шум, топот копыт и лошадиное ржание; если это даже вернулся Фарид, он не мог так шуметь. Владимир пошел к двери, она в этот миг распахнулась, и в комнату ворвались вооруженные люди. На него тут же наставили винтовки: «собирайся, мы приехали за тобой», приказал один из них; его лицо скрыто капюшоном. На лежащего в постели араба не обратили никакого внимания. Поручику позволили одеться, вывели во двор и усадили на лошадь. Руки и ноги ему оставили свободными, лишь повод его лошади привязан к другому седлу. Остальные окружили их плотным кольцом, и они двинулись в сторону перевала, то есть туда, куда его

везли Тордо и Фарид. Всадники скачут резвой рысью, иногда переходят на шаг, возможно, они уже проделали долгий путь и теперь, время от времени, дают краткие передышки лошадям. Полная яркая луна на чистом небе прекрасно освещает путь для этой странной кавалькады. Все молчат, лишь изредка одно – два слова на арабском, и только о происходящем сейчас, поэтому, кто эти люди, понять пока невозможно. Вскоре они достигли перевала, теперь перед ними ровная лесистая долина; села попадались не часто, и они совершенно маленькие – два-три десятка домиков, прилепившихся обычно к подножию горы. В одной такой деревушке, в долине, перерезанной вдоль шумливой неширокой речкой, они, наконец, остановились. Владимира спешили и завели в какой-то сарай с крошечным окошком над дверью; часа через два ему принесли большую миску плова, хлеб, три яблока и кувшин воды. Судя по такому щедрому обеду, ничего серьезного ему пока не угрожает. Куда его привезли и, главное, зачем – не понятно. Хотя у него есть некоторые предположения: эти люди, ворвавшись в хижину, не стали устанавливать его личность, а сразу же заявили «мы приехали за тобой». Значит, им было известно, кто я. А как они меня нашли? Скорее всего, их навел Фарид, здесь явно просматривается связь между поездкой Фариды и появлением этой банды возле заброшенной в горах крошечной хижины. Но такую связь мог установить только Перколе, следовательно, это продолжение все того же сценария, разработанного для него Морисом еще в кабинете римской крепости. Если бы Макарову стало известно, что посланный за лекарствами араб сразу же явился в замок и доложил германскому резиденту о ситуации, в которой оказался Тордо вместе с их подопечным Польшером, то он бы восхитился собственной проницательностью. Но он ничего об этом не знает и пока что размышляет о перспективе побега из его новой тюрьмы. Хоть о какой-нибудь, пусть даже самой невероятной.

Вечером его вывели на прогулку; сопровождали его двое – один с саблей, второй с винтовкой, которую он держал все время наизготовку. Тем не менее, когда его отпустили в кусты на пять минут, Владимир ухитрился спрятать под куртку кусок палки; как оружие, она ни на что не годится, зато подойдет для подкопа. После ужина он с ее помощью обследовал пол его камеры; результат был неутешителен: везде камень, сарай стоит на сплошной скале. Остается только крыша. Первые две ночи возле его темницы кто-то дежурил, были слышны шаги, иногда разговор, а вот сейчас, кажись, никого нет. Он целый час прислушивался, затем разобрал свою кровать: лежащий в углу на камнях деревянный щит, покрытый циновкой, и в придачу толстое верблюжье одеяло, заменяющее матрас. Камни он сложил в углу пирамидкой, и крыша стала ему вполне доступной. Он вытащил несколько тонких планок и уцепился за одну из досок, ему показалось, что она почти не закреплена. Расшатав и сдвинув ее в сторону, поручик ткнул палкой, та легко вышла наружу, оставив отверстие, через которое он увидел ночное небо. Ему на голову посыпалась земля вперемешку с золой, но он не обращал на это внимание – впереди была свобода. Для этого нужно только расширить отверстие. Он принялся двигать палкой по сторонам, и вдруг сонный голос добродушно произнес.

– Если ты, чужеземец, желаешь просто полюбоваться звездами, то так уж и быть, смотри. Но если ты решишь что-нибудь высунуть в эту дыру, предупреждаю – это опасно. У меня сабля, а мои руки чешутся пустить ее в ход. Обидно будет нам обоим, когда ты лишишься своей головы, мне не с кем будет поговорить. – Оказалось, сторож устроился на крыше его тюрьмы, и, судя по тону, ему очень хочется общения хоть с кем, пусть даже с пленником. Сказано было на арабском, Владимир, конечно, прикинулся непонимающим, и они перешли на французский. У его стража запас французских слов не очень большой; кое-как он повторил насчет сабли, и теперь они ведут беседы о погоде и о здоровье, изредка вставляя арабские слова, и обе стороны довольны, поскольку хорошо понимают друг друга. Зачастую к сараю приходят друзья сторожа, они обсуждают новости, но больше всего разговор идет о некоем наследстве. Его никак не могут поделить; наслушавшись об этом деле, поручик, кажется, уже

представляет его простое решение. Но он будет пока молчать. Время шло, уже заканчивалась вторая неделя, как он покинул Федалу, и только теперь появился человек от Перколе.

– Мой хозяин желает узнать, не решил ли ты, чужеземец, сообщить ему что-нибудь новенькое, – спросил у поручика невысокий, уже начавший полнеть мужчина, очевидно, кто-то из обитателей крепости, – завтра я еду в Федалу и отвезу ему твои слова.

Владимир ответил отказом. Утром гонец зашел еще раз, повторил свой вопрос и удалился неудовлетворенным. Вечером этого же дня у его темницы появился новый тип: высокий чернобородый мужчина лет сорока; посланник Перколе провел в его доме две ночи, и теперь обсуждаются новости, почерпнутые, очевидно, из этого визита. Оказывается, человек, которого они стерегут в настоящее время, украл у большого начальника двоих рабов, принадлежащих Дабаз Хану, теперь его самого, скорее всего, отдадут, взамен тех, тому же хану. А почему нам самим не продать чужеземца? За него хорошо заплатят, потому что он, как сказал мой кузен, большая шишка. И тут же обсуждается подробный план осуществления своего замысла, причем с мельчайшими деталями; заговорщикам неизвестно, что их будущая жертва владеет арабским языком. Теперь Макаров в затруднении: завтра у сторожа, с которым он уже почти подружился, день рождения. Именно этой ночью заговорщики решили усыпить его во время застолья. Гостей будет много, и настоящего преступника выявить будет практически невозможно. Как быть? Сообщить имениннику о коварных замыслах его приятелей? Но в итоге проиграет только он сам: возникнет скандал, те двое, естественно станут все отрицать, кого-то из караула заменят, а он останется взаперти, пока за ним не придет Перколе. Самое главное – его тайна насчет языка, перестанет быть таковой, а это настоящий провал. Но сейчас, пользуясь неведением этих двоих, что их замысел раскрыт, стоит попытаться повернуть ситуацию в свою пользу. И это вполне возможно, ибо его противники не блещут особо стратегией.

Итак, с вечера на крыше гостей было много, и посему довольно шумно, но ближе к полуночи все стихло, и ему предложили выбраться в проделанную им же дыру. «Только вещи свои заberi, мы отвезем тебя к французам». Владимир подчинился; на крыше мирно храпел его сторож. Крадучись в тени деревьев, они выбрались на окраину села, где стояли три оседланные лошади.

– Мы тебя свяжем для вида, вдруг кто-нибудь нас встретит. Скажем, что везем тебя в Федалу, так как ты надумал сообщить что-то хозяину замка, – успокаивали похитители свою жертву.

– Хорошо. Но только не сильно туго, чтобы не было больно, – попросил поручик, а сам изо всех сил растопырил локти, что в темноте прошло не замеченным. Когда его связывали, ему показалось, что в кустах неподалеку мелькнули две неясные фигуры. «Очевидно, сообщники этих воришек, подумал он. Это уже хуже, с четырьмя так просто не справиться. Ладно, там увидим». Судя по тому, что выбравшись на большую дорогу, их маленький отряд двинулся на восток, стало ясно: ни в какую Федалу его не повезут, ведь на востоке владения Абаз-Хана. Все по их замыслу. Впереди едет чернобородый, чувствуется – он в этом деле главный, второй его слушается во всем. На их пути часто встречаются небольшие группы всадников, а также и пешие, но они не обращают друг на друга никакого внимания. Только приветствие, и все; каждый занят своим делом. Уже совсем рассвело, когда они подъехали к мосту. Здесь возникла маленькая заминка. Чернобородый, въехавший уже на его середину, вдруг подал им знак остановиться.

– Атар, давай переедем на ту сторону на нижнем мосту! Так будет лучше. – Крикнул он.

Поскольку кричал он довольно громко, а Владимир уже раньше увидел мелькавшие в кустах на том берегу две лисьи шапки, то подумалось: это сигнал для сообщников, которые, скорее всего, играют роль подстраховки от всякой неожиданности. Теперь они двинулись на запад, и, судя по тому, как перелетали над кустами на той стороне стайки яркоперых пчелоедов, можно легко догадаться: птицу вспугивают те двое, и они движутся в том же направлении. Так

они ехали, наверное, более двух часов, пока чернобородый вдруг остановился, прижал палец к губам, и они развернулись в обратном направлении, только теперь их лошади ступали не по каменистой дороге, а ближе к обрыву, где трава и мягкий грунт совершенно заглушали звук копыт. Возможно, это не сообщники, подумал Макаров, а тогда кто? конкуренты? Но ему от этого не легче. Они снова миновали тот первый мост и продолжали путь на восток; что-то следует предпринять, иначе скоро они окажутся во владениях хана. Он заговорил с едущим сзади арабом о деле по наследованию имущества покойного родственника; тяжущимся сторонам уже известен предварительный приговор кади, хотя сам суд состоится после окончания священного месяца. Судья решил вопрос довольно просто: разделил наследство по возрасту. Старший получал дом, средний – лошадь, а самой младшей наследнице доставалась корова; причем средний – это племянник Атара, за которого тот теперь так переживает. «Послушай, Атар, а твой племянник, не может, случаем жениться на своей родственнице? – Атар, отвечает, что такое возможно, поскольку они родня довольно дальняя. «Тогда слушай, как следует поступить, – и поручик приглашает араба ехать рядом. Поскольку по приказу чернобородого следует вести себя тихонько; тот согласился, шептаться, двигаясь гуськом, сложно. – Пусть он женится, а вместе им – 26 и 18, выходит 44 года, что намного больше, чем у главного вашего соперника; вместе – ведь муж и жена это одно целое – значит, им положен дом, все-таки это семья. А поскольку каждому выпадает по одному объекту, то они могут претендовать еще и на ... «На корову? – с грустью уточнил Атар. – «Нет, пусть просят лошадь, а от коровы, тот третий, откажется сам, зачем она ему, если у него нет дома?» – «А ведь верно! Теперь у моего племянша дом и лошадь, – восхищается араб – ну зачем Ибраму корова!? Пусть отдаст молодым! – Он настолько доволен подсказанным ему решением, что совершенно не замечает: руки у его пленника уже свободны, и одну он даже положил ему на плечо. « Да, пусть скажут Ибраму на суде, что двери их дома всегда открыты для него, а если у них будет еще и корова, то его всегда угостят парным молоком, и судья согласится со столь мудрым решением» – завершает поручик свою речь и хватает левой рукой окончательно опешившего араба за шею, крепко прижимает к себе, а правой вытаскивает болтающийся на поясе кинжал. Он приставляет лезвие к подбородку.

– Только пикнешь, зарежу! – угрожающе прошептал ему на ухо, тот открывает рот, оттуда вначале слышится шипение, которое переходит в тихий, едва слышимый писк. И впрямь, пищит, как комар, думает Владимир и добавляет, – снимай потихоньку винтовку и отдай ее мне. Будешь жить, я тебе обещаю. И еще на свадьбе у племянника спляшешь.

Тот уже взялся за ремень, но вдруг перестал пищать, а на его лице появилось радостное выражение. Макаров поднял голову, чернобородый целился в него из винтовки.

– Брось кинжал! – прозвучала строгая команда. Владимир швырнул его в противника и скользнул вниз между лошадьми. Прогремел выстрел, следом второй, но он уже мчался зигзагами к огромному камню, лежащему посреди дороги. Вслед стреляли, но к счастью мимо, наконец, он укрылся за камнем, который едва достигал ему до подбородка, затем осторожно выглянул. Рядом с ним медленно проходил конь чернобородого; сам всадник сидел, откинувшись назад, бессильно опустив руки, на левой стороне халата расплылось алое пятно. «Кто это его? – мелькнуло в голове и исчезло; следом шел Атар, он уже перезарядил карабин и держал его наизготовку со злобным выражением на лице. Владимир посмотрел по сторонам: вокруг нет ничего, кроме мелких камней. Тут он вспомнил про рогатку, достал ее и зарядил, но не камешком, а пакетиком перца, надкусив его на уголке. Теперь ему ничего не оставалось, как только обратиться к ангелу-хранителю. Араб подошел к камню, затем присел и понятно, что он двинулся вокруг, но с какой стороны он выйдет? Справа, как и шел, или же развернется? Если Владимир не угадает, то он погиб. Что бы он сделал на месте противника? Конечно же, развернулся. Значит, он выйдет слева. Поручик сидит на корточках, растянув пращу, и в этот момент ему показалось: что-то неуловимое взгляду пронеслось над ним и прикоснулось к его правому

плечу. Он круто развернулся на каблуках, и в это же миг из-за камня показалась голова и прижатый к плечу приклад; при виде рогатки Атар презрительно осклабился и начал поворачивать ствол карабина в сторону противника, но Владимир уже разжал пальцы. Пакетик хлопнулся в переносицу, взорвавшись сизым облачком на его лице. Араб вскрикнул и от неожиданности нажал на курок; пуля ударила где-то совсем рядом, обдав голову каменной крошкой, он кувыркнулся назад и ушел от второго выстрела. Его противник уже поднялся и пошел вокруг камня, трясая головой, глаза его были закрыты. Но слух у араба изумительный, и хотя поручик тотчас сбросил ботинки, ствол винтовки постоянно смотрит в его сторону. Поручик бросил горсть камней по направлению к обрыву, араб выстрелил на звук и шагнул в том направлении. Владимир снова бросил ему под ноги, тот снова шагнул к самому краю, прислушиваясь. «Эй! – крикнул поручик, араб резко повернулся, вскинул винтовку и выстрелил на звук. Но одна его нога уже потеряла опору, отдача от выстрела толкнула в плечо, он накренился и со страшным криком исчез в бездне. «Бедняга! Но видит Бог, я этого не хотел. Я лишь дожидался, пока он выпалит весь магазин», подумал Макаров. Но, что же дальше? Лошади ушли одна за другой, они уже скрылись за ближним поворотом, следует их догнать. Он уже собирался идти вслед за ними, когда навстречу показался всадник в лисьей шапке, рядом с ним одна из лошадей. Соперники-конкуренты!? Возможно, что это один из тех, который застрелил чернобородого, значит, где-то еще один. Что же делать, от этих рогаткой не отобьешься? Одна винтовка уехала с мертвым, вторая в пропасти. Он вернулся, поднял валяющийся на дороге кинжал, спрятал сзади за пояс. Хорошо, что они хоть появляются по одному. Решил подождать здесь, у камня, может еще пригодится. Всадник приближается, поручику его лицо кажется знакомыми, вдобавок он приветливо улыбается. Да, мне теперь только галлюцинаций не хватало! Но незнакомец машет рукой. Владимир всмотрелся: не может быть! О, провидение! Он спасен! да ведь это Абдулрашид, сын его друга, старого араба Можея!

Через некоторое время подъехал и Азалот.

– Мы уже давно кружим у вашей дереvушки, все не могли подступиться. Днем народу вокруг слишком много вертелось, а ночью собаки поднимали невообразимый лай, стоило нам приблизиться на тридцать метров. И из домов тотчас выбегали вооруженные люди. Эти двое подвернулись очень даже кстати, они нам сильно помогли.

– Жаль их, погибли ни за что, – с горечью заметил поручик.

– Нет, погиб только один, который сидел на лошади и целился в вас. Вот его я и подстрелил с того берега, а второй спешил, и из-за кустов я его не видел, – говорит Абдулрашид. – Когда же он сорвался с обрыва, то упал сразу на дерево, там ветки спружинили и довольно деликатно опустили его в воду. Где он промыл глаза и дал стрелача в лес. А как вы отбились от его винтовки?

– Кайенский перец, – Владимир показал рогатку. – Пакетик попал ему в переносицу, и он ничего не видел, но слышал меня прекрасно, стрелял на слух так, что приблизиться было невозможно. Я ожидал, пока он отстреляет обойму. Бросал камешки в сторону.

– Надо же! Ни за что не поверил бы! Перец против пули! – рассмеялся Азалот. – А нам отец сообщил о том, что вы в Федале, но как вас ночью оттуда вывезли, мы не видели. Уже через того человека, что за доктором приезжал, мы вычислили хижину в горах, но снова опоздали. Вас уже там не было. Мы двинулись по следу лошадей, все-таки их было около десятка, и навоза они на дороге оставляли предостаточно. По этому следу и добрались до той деревни.

Но ничего, теперь домой! Мы вас выведем нашей тропой до Рабата, а сами обратно. У нас здесь еще дела.

В Рабате возле башни Хасана Макаров встретился с секретарем консульства Эвансом; прогуливаясь среди толпящихся туристов, он сделал подробный отчет о своей поездке.

– Не знаю, как это назвать, везением или нет, месье Эванс, но Армоньена-младшего среди пленных не оказалось, но совершенно неожиданно удалось освободить французских офицеров: майора Мельвилля и военного летчика Фрэнка Менью. Хотя операцию пока нельзя считать завершенной, так как неизвестно, где спрятался вместе с ними Мефистофель. Есть только предположения, но нет ничего конкретного.

– Ладно, – сказал Эванс, – продолжением операции займутся другие люди, вы должны немедленно уехать в Фес, здесь вы уже достаточно засветились. Вам ожидает автомобиль.

В Фес Владимир приехал ночью; несмотря на поздний час, Пешков ожидал его в гостинице.

– Нам предстоит кое-что обсудить, пока вы не умчитесь дальше, – Зиновий сразу дал ему понять, что здесь он ненадолго, – вас завтра ждет Танжер, поэтому прихватим эту ночь для дела. Билет у вас на ночной экспресс, значит, прекрасно выспитесь в спальном вагоне, Чтобы не терять времени, ужин нам подадут в номер, а пока рассказывайте обо всем по порядку.

Рассказ Макарова растянулся почти на целый час, майора интересовали подробности. Сам поручик не считал их очень важными, но сейчас они раскрылись ему несколько в ином свете. И несколько по-другому выглядели теперь действия Перколе.

– Я могу предположить, что Историку были заранее понятны многие ваши ходы, – заметил Пешков. – Начнем с вашей встречи с Арсеном на площади. Вы верно заметили, что там был еще один чистильщик обуви – агент Перколе. Возможно, им было известно, что в Ткауренсе ваша связь осуществлялась через чистильщика. В данном случае вас спасла низкая квалификация их агента, он ничего не понял насчет коз и поэтому не доложил Перколе об Арсене. Ваш прием с рогаткой великолепен, хотя повторный выстрел скорее ошибка; вторую записку могли подобрать и все бы открылось. Но считаю, что вы все-таки в конечном результате переиграли немецкого резидента. Великолепно ушел от погони Арсен, как ни старался Перколе он не смог его схватить ни на площади, ни затем, с офицерами. Хотя можно предположить, что ни ваш помощник, ни пленники не слишком интересовали Историка. Посудите сами, какая разница для Германии, где будут находиться пехотный майор и пилот подбитого самолета – в плену у арабов или в рядах французской армии? Никакой! То же относится и к Арсену: одним больше у нас агентом или одним меньше, не имеет значения. Ему был нужен вы – русский офицер, бывший белогвардеец, имеющий все основания искренне ненавидеть Россию. С учетом предстоящей войны с Советским Союзом такие агенты для Германии чрезвычайно востребованы. И он бы вас не выпустил, если бы сперва у конвоя не захромала лошадь, и не появился затем сыновья Можея. Но это уже прошедшие дела, вернемся к настоящим. Взгляните на эту радиogramму, она получена два часа назад.

«Нечистый и два ангела тамже, где 16 высокочтимых» – Что вы скажете по этому поводу? – Пешков протянул ему листок, Владимир минуту изучал текст: – кое-что мне, кажется, понятно. Нечистый – это Мефистофель, он же Арсен, ангелы, так иногда называют летчиков – это Фрэнк, ну и майор, ведь он тоже был в самолете. А вот дальше не все понятно. Слово «тамже» написано слитно, это преднамеренная ошибка, они ведь грамотные. Возможно, за этим кроется Танжер? Не знаю, не уверен. Остальное мне не понятно.

– Bravo, Владимир! Вы пока все угадали верно. Остальное давайте вместе. Сегодня какое число? Четырнадцатое. Но уже на исходе. Каботажное судно «Малага» следует из Агадира в порт Танжер, телеграмма послана с его борта, когда корабль прошел Рабат, в конечную точку он прибудет шестнадцатого. «Высокочтимый» означает августейший, выходит – 16-го августа. Время прибытия обычно не называется, его сложно установить точно, известен только день. Нет никаких сомнений в том, что радио перехвачено противником; прослушка сегодня у многих разведок на высоте, но впереди всех – немцы. Скорее всего, теперь Перколе сделает попытку доказать нам, что до сих пор он с нами просто шутил, и лишь теперь настало время серьезной игры, из которой он постарается выйти победителем, захватив Арсена вместе с офи-

церами. Мы не должны этого допустить. В Танжер уже отправились наши агенты, завтра и вы присоединитесь к этой группе. Держаться вам придется в тени, поскольку вы уже замечены некоторыми людьми Историки, но без вас обойтись будет нам очень сложно, ведь вы один знаете в лицо Мефистофеля и ангелов. Группа будет выполнять свою задачу, но вы должны указать, кого именно они должны защитить от захвата. И присмотритесь к противнику, не исключено, что появятся кроме уже известных лиц и новые. Запоминайте каждое – это ваш будущий оперативный багаж.

Танжер приветствовал пассажиров ночного поезда очарованием прекрасного солнечного утра; океан был спокоен, он ослепительно блистал в первых лучах солнца и посылал на землю потоки теплого воздуха. Группу возглавлял капитан Молье, черноглазый и черноволосый мужчина лет сорока. Кое с кем из членов группы Владимира познакомили, с теми, с которыми ему, вероятно, придется работать непосредственно; они не приближались друг к другу, представления совершались на расстоянии. Владимир сидел в кафе за одним столиком с капитаном; в него заходили какие-то личности, потолкавшись у стойки и выпив кофе или еще что-нибудь покрепче, исчезали в толпе. Уже было известно почти точное время прибытия «Малаги» – завтра в десять утра. До этого момента у всех свободное время. Поручик поселился в гостинице, где отсыпался и читал газеты. Утром в порту собралось довольно много народа – это встречающие и отъезжающие, и просто зеваки. Среди них полно всевозможных агентов, своих и чужих, некоторых можно вычислить по темным очкам, поднятым воротникам и надвинутых на самый нос шляпам и картузам, а также бегающим настороженным взором: словом всем тем, чего должен избегать настоящий агент. «Держитесь как можно естественнее, с равнодушным взглядом и полным отсутствием напряжения на лице, – наставляли когда-то Макарова педагоги в разведшколе. – Лучше всего подойдет вам маска зеваки или же прожженного ловеласа». И Владимир невольно усмехнулся – в толпе почему-то ни одной женщины, никакой работы для донжуана. По приказу Молье сюда прибыл взвод карабинеров, они в два ряда отгородили коридор от трапа к нескольким легковым автомобилям. В коридор никого не пускают, официально объявлено, что встречают шейха одного восточного государства. Шейх действительно появился с немалой свитой; он чрезвычайно доволен приемом и охотно отвечает на вопросы корреспондентов, остановивших его посреди прохода. В это время остальные пассажиры покидали корабль под внимательными взглядами со всех сторон. Владимир сразу же заметил молодого человека в модном европейском костюме; он сопровождал супружескую пару: уже молодого араба с несколько измученным лицом и его жену, полностью скрытую под паранджой. Рядом с ними куча детей, мальчик лет двенадцати держит над арабом зонтик, хотя солнце еще не очень жаркое. В молодом человеке он тотчас определил Арсена, в арабе – Фрэнка, а под паранджой спрятан, конечно же, Мельвилль. Он показал их капитану, а сам спрятался в тени колонны, теперь можно взглянуть на остальных пассажиров. Троиц можно было выделить сразу: они обошли все еще стоящую на месте компанию шейха, и цепкими взглядами осматривали всех мужчин. На супружескую пару с секретарем никто не обращал внимания, они уселись в автомобиль; шейх, наконец, двинулся к своему кадиллаку, поток прибывших пассажиров поредел, а затем иссяк вовсе. Одного из тройцы шпииков поручик точно встречал в Федале, он приезжал за ним в машине Перколе. К ним подошли двое из встречающих, и началось довольно громкое обсуждение происходящих в порту событий. Мимо рабочие пронесли огромный рекламный щит, под его прикрытием Макаров двинулся к выходу на площадь рядом с агентами, вслушиваясь в оживленную разборку.

– Но кто-то же дал радиogramму! Вы опросили радистов? – допытывался один из местных.

– Да. Они сказали, что это был мальчик лет десяти-двенадцати. Он принес текст и деньги. От детей они не имеют права принимать такие вещи, но тот их заверил, что отец болен, и прийти не может. Скорее всего, им хорошо заплатили, и все.

– Постой, мальчик!? – востропнулся второй шпик. – Так может, это молодой щеголь и эта пара? Мальчик с зонтом и целая куча детей. Так с ними же женщина!

– А откуда вы взяли, что это была действительно дама? – заметил местный. – Под паранджой и длинной юбкой запросто можно спрятать кавалериста с усами и в сапогах со шпорами. Ну да ладно, мы все равно ничего бы не сделали. Видели, как их встречали? Тут еще этот чертов шейх, где он взялся? Спутал всю операцию.

Через два часа поручик тепло приветствовал Арсена на конспиративной квартире на окраине города, куда их доставили в карете с закрытыми окнами. Он рад удачному исходу, не скрывает этого и просит поскорее рассказать подробности. Но ему пришлось терпеть почти полчаса, пока не прибыл Молье. Теперь за ужином они выслушали рассказ грузина.

– Когда мы выбрались, наконец, из Федалы, я понимал, что у меня есть два, максимум три часа форы, не больше. Учитывая их авто, рации, кучи агентов и прочее – это не выигрыш. В горы соваться было глупо, прибрежные дороги они вот-вот перекроют, оставалось только море. Но куда плыть? Точнее, плыть можно куда угодно, но где мы можем безопасно высадиться? Скорее всего – нигде. У них фотографии Поля и Фрэнка, устное описание моей личности: всего этого довольно с лихвой, чтобы изловить нас либо на судне, либо при посадке-высадке. Прятаться в Касабланке тоже не имело смысла, в таких городишках приезжие всегда на виду. Выручало нас то, что было достаточно денег для покупки любой одежды. Так появился богатый араб из племени лемтуна, обитающих по ту сторону реки Дра, что на границе с Западной Сахарой; их языка здесь не понимал никто, да и зачем разговаривать богатому человеку со всякой мелочью, если у него есть молодой секретарь, владеющий многими языками. Со мной в присутствии посторонних Фрэнк общался на английском. Поля маскировать было сложнее всего, пришлось превратить его в женщину; я накупил длинных платьев и паранджу, под которой скрылся майор Мельвилль. К счастью, из Касабланки через час уходил пароход местной линии Агадир-Танжер; мы успели снять номер в гостинице, где переоделись и покинули ее через черный ход, скорее всего, никем не замеченные. Еще через час корабль причалил в Федале, и мы решили сойти здесь на берег, предполагая, что нас никто не станет искать в том самом месте, откуда мы бежали всего несколько часов назад.

– Мне кажется, вы, Арсен, прямо-таки настоящий Мефистофель, – весело рассмеялся Молье, – до такого мог додуматься только воистину лукавый!

– Хочу вам заметить, что вы недооцениваете своего противника, – возразил Макаров, – в моем присутствии агент по кличке Турок предположил, что пленники, возможно, не убежали, а спрятались в городе. Перколе тотчас приказал тщательно это проверить.

– Так вот где собака зарыта! – теперь смеялся Каладзе, – значит они обыскали Федалу, еще до того момента, как мы в ней высадились. То-то я недоумевал, что нас совсем никто не ищет! Если я встречу когда-нибудь этого Турка, я обязательно пожму ему руку, нас спасла его проницательность. Итак, в Федале на берег сошли около полусотни пассажиров, в основном арабов, и мы – незаметные среди них. Мы сняли приличное жилье в частном доме, где жили постоянными затворниками, конечно же, благодаря толстому кошельку. Еду для нас готовил нанятый повар, мальчишка приносил в дом все необходимые продукты, а приходившего пару раз с проверкой полицейского встречал личный секретарь богатого араба. Он просил не беспокоить его уставшего хозяина, с чем ажан всегда соглашался, разумеется, после хорошего угощения и некоторой суммы денег, вручаемой ему на прощание. Но время шло, и нужно было думать, как быть дальше. Неподалеку от нашего дома проживала семья арабов, по местным понятиям средняя: у них было пятеро детей. Я беседовал иногда с главой семьи, меня интересовали городские новости, и Али охотно приносил для меня местную газету и последние слухи, почерпнутые на базаре. Постепенно мы разговорились на всякие житейские темы, и я узнал, что родители его жены живут в Танжере, и они не виделись с ними уже целых три года. И это обстоятельство крайне расстраивает его супругу.

– После рождения последнего ребенка жена заболела, и мне пришлось оставить работу, чтобы помогать ей по хозяйству. С тех пор мы никак не можем наскрести денег на поездку, хотя все уладилось и я снова зарабатываю деньги, – признался мне Али. – Они так до сих пор и не увидели последнего внука. – Я же сказал, что подумаю, как ему помочь. На следующий день у нас уже был готов некий план: его исполнение давало возможность порадовать семейство Али, а нам проникнуть в Танжер, где мы могли оказаться в безопасности. Я рассказал ему, что сопровождаю богатую чету, совсем недавно лишившуюся своих детей в результате пожара. Для того, чтобы хоть как-то залечить тяжелейшую душевную травму, было бы хорошо, если бы вы хоть изредка навещали нас со своими детками. Возможно, это отвлечет несчастных родителей от мрачных мыслей. Али и его жена согласились, признаюсь вам, вначале не очень охотно, но я знал, что нужно делать. По моей заявке в наш дом стали приносить всевозможные сладости, фрукты и игрушки. Детям все это чрезвычайно понравилось, они с удовольствием приходили теперь сами, а родители нисколько их не сдерживали. Единственное условие с нашей стороны, так это называть их новых знакомых, как бы в шутку, папой и мамой, тоже вскоре было принято. Спешить нам было не куда, никто в Федале нас не искал, ежедневные общения вошли в желанную для всех привычку, и к моменту нашего отъезда новая семья выглядела правдоподобнее настоящей. Наступил момент, когда я сообщил Али, что могу организовать поездку в Танжер его семье, оплачу проезд в оба конца и вручу некую сумму денег, если на пароходе останутся те же отношения, какие воцарились последние дни. Дети будут находиться с моими пациентами, называя их по-прежнему папой и мамой, а Али и его супруга не приближаются к ним ближе, чем на десять метров. Конечно же, за вами сохраняется право наблюдать за своими детьми, но только издали. Думаю, что у супругов имелись некие подозрения насчет происходящего, судя по тому, как недоверчиво смотрели они вначале на эти игры и шептались тайком, но благоразумие взяло верх – они согласились. Мы сели в Федале на «Малагу», нам никто не мешал, первые шпики появились только в Рабате. Понятно, что их вовсе не интересовала супружеская чета, облепленная кучей детворы, и сопровождающий их то ли доктор, то ли секретарь. Дети буквально не слезали с колен своих «родителей», еще бы, ведь сладости ехали с нами. Так благополучно мы прибыли к вам, мои друзья. К великой радости Поля и Фрэнка; они-то уж совсем отчаялись обрести свободу.

– Что ж, мы тоже радуемся с ними и выражаем лично вам, Арсений Каладзе, благодарность за мужество и смекалку, – сказал капитан Молье, поднимаясь из-за стола, – вам предстоит отдых, а мы с Владимиром прогуляемся немного по этому прекрасному городу.

Вечерний Танжер действительно был прекрасен; они отправились пешком в сторону порта. Теплый и тихий вечер уговорил жителей покинуть свои жилища и выйти подышать благодатным морским воздухом, послушать уличных музыкантов, которых в этот вечерний час предостаточно, посидеть за столиками, расставленными прямо на широких тротуарах, где можно выпить вина или кофе и полакомиться шедеврами местных кулинаров и кондитеров.

– Сожалею коллега, но вам пока не улыбается счастье, подобное тому, какое только что обещано Мефистофелю. Обратите внимание, я сказал – обещано, потому как в нашем хлопотливом промысле, каким является работа разведчика, нет ничего постоянного. Чего-то такого, в чем можно было бы быть уверенным хотя бы на какой-нибудь определенный срок. Вот вам конверт: в нем деньги и билет на пароход «Бристоль», он отправляется в Марсель завтра в полдень. Я не знаю, чем вы будете там заниматься, но я вам искренне завидую, Владимир, вы увидите Париж! Вы будете дышать воздухом милой Родины, – смеясь, закончил Молье.

«Насчет Родины ты слишком ошибся адресом, капитан» подумалось Макарову, но совершенно беззлобно, ибо огромная радость наполнила его душу: он увидит Мишель и детей! О своей настоящей, далекой и недоступной Отчизне, если он и не думает в настоящий момент, то лишь потому, что память о ней никогда не уходит из сознания, она всегда рядышком. Но лучше к этому не прикасаться, ибо это живая и острая боль, которая может когда-нибудь разо-

рвать сердце. Так же, как и мысли о жене Елене, дочери Кате и о сыне, которого он до сих пор так и не увидел.

Капитан сделал довольно большую паузу, видимо прохожие и уличный шум мешали ему говорить. Наконец они наткнулись на полупустое кафе, где заняли маленький столик на двоих, и Молье перешел к изложению основной части предстоящего задания.

– По нашим сведениям на территории Марокко уже месяц находится агент немецкой разведки по кличке Марс, очевидно, он инспектирует местную шпионскую сеть Абвера. Мы наблюдали за ним вблизи и издали, как могли, но для нас здесь он совершенно не интересен. А вот сейчас стало известно, что Марс отправляется во Францию, а вот это уже серьезно, если нам удастся увидеть, с кем он будет там встречаться, мы получим немецких агентов в Париже, многие из них нам, к сожалению, пока не известны. Вот вам его фотография, постарайтесь хорошенько запомнить это лицо. Когда будете покидать гостиницу, сожгите. Хранить при себе такие вещи не стоит. С вами на теплоходе будет наш человек, все остальные инструкции – у него. Он сам подойдет к вам. Пароль: «мы случайно не встречались с вами в Сфаксе? Ваш ответ: вряд ли, я был там, но только проездом». Все. Прощайте, Макаров!

Теперь он снова становится поручиком Макаровым: так решил Пешков. Лучше всего маскироваться под самого себя, заметил Зиновий, по себе знаю. «Это в Марокко страхового агент был хорошим прикрытием, а во Франции, где ты прожил уже довольно долго, много знакомых и сослуживцев, знающих тебя как русского поручика, вот и оставайся им. Увидишь, так будет намного проще». Перед тем, как отправиться в гостиницу, Владимир прошелся по мелким лавочкам, где сувениры и всякая всячина, идущая как подарки из Африки. Детям он купил игрушки, а Мишель янтарные бусы. При одной мысли, как он будет одевать их ей на шею, у него зашумело в ушах; возможно, подскочило давление. В одном крошечном магазинчике он пришел на помощь мужчине, изучавшему курительные трубки – продавец наотрез отказывался понимать его английский. За два часа до отплытия он уже расположился в каюте парохода и немного осмотрелся среди пассажиров. Прав был, безусловно, майор Пешков; проходя по одной из палуб мимо разношерстной мужской компании, он был встречен дружными возгласами: «О! Да это же наш поручик! Владимир, давай к нам!» Это возвращались в Европу бывшие легионеры, в основном русские. Среди них Федорцов и Шмага, с которыми он вместе служил в Тунисе еще в далеком двадцать первом, а также несколько знакомых по турецкому Галлиполи. Отслужившие срок контракта, многие с ранениями и заслужившие мизерные пенсии, они теперь намеревались поселиться где-нибудь во Франции, им известно, что там много наших. Но, оказывается, так думают не все. Федорцов заявил о своем намерении ехать в Берлин. Он повторяет известную всем новость, давно переставшую быть ею, о том, что в Германии намного лучше, чем во Франции, с работой и жильем. Владимир дал ему свой парижский адрес, напишешь, как устроишься, может действительно там так хорошо, а мы об этом не ведаем.

Их корабль прошел Гибралтар и уже поворачивал к Малаге – первой остановке на своем маршруте, – как к поручику обратился коренастый широкоплечий мужчина, чрезвычайно загорелый и поэтому выглядевший довольно молодо. Макарову показалось, что он уже его где-то видел, причем совсем недавно. Он заговорил на английском, совершенно безупречно; поскольку речь шла о погоде, то Владимир не особенно вслушивался в его слова. Он ожидал услышать пароль и боялся его пропустить, поскольку, не будучи слишком силен в этом языке, пытался заранее составить правильный отзыв. Пароля все не было, и он вопросительно взглянул не столь неожиданного собеседника.

– О, простите! – воскликнул тот, – я ведь не представился. Меня зовут Майкл. Майкл Сквейдж. – и он тут же перешел на французский, не столь блестящий, как английский, но довольно сносный – Не далее, как вчера, вы любезно помогли мне выйти из довольно затруднительной ситуации в мелочной лавке, где я купил эту прекрасную курительную трубку. Помните?

Макаров уже его вспомнил; просто во вчерашнем магазинчике было довольно темновато. Он в ответ назвал себя и поинтересовался, почему Майкл не прибегнул к французскому языку, общаясь с продавцом, не желающим понимать английскую речь.

– Вот именно! Поэтому и не обратился, ведь эти цветные в упор не желают признавать нас, англичан. А что мы им такого плохого сделали, чтобы так к нам относиться? Скажу вам честно, я хотел поймать этого мавра на каком-нибудь жульничестве, обычно применяемом ими против людей, не понимающих их арабский или французский. Но тут появились вы и все ... – Майкл сделал крошечную паузу и добавил, – и все устроилось.

– Признайтесь, вы хотели сейчас сказать – появился я и все испортил! – заметил поручик.

– Ничего подобного! Даже и не думал такого! – он рассмеялся открыто и располагаяще, давая понять, что тема исчерпана. – Причина моей приверженности к родному языку довольно банальна, я долгое время жил в Индии, где все говорят только на английском, я даже забыл, что на свете существует еще и такой язык как французский. Ну, это я в шутку! Тем более, как мне известно, вы ведь русский? Я угадал? Ну и отлично, и не смотрите на меня так подозрительно, я отнюдь не шпион! Просто я шел сзади, когда вы принимали приветствия от своих земляков на верхней палубе. И знайте, я очень уважаю русских людей. Один ваш генерал Скобелев чего стоит! У англичан тоже немало выдающихся людей, но русские, они другие. Вот Корнилов и Нахимов, они ведь вдвоем, по существу брошенные своим руководством во главе с царем, воевали против двух таких великих армий и выстояли. Погибли, но выстояли. Подумать страшно, какой ценой англичане с французами отбили этот кусочек Севастополя, который в стратегическом плане, после того, как русские утопили свой флот, ничего не решал. Но – отбили, слово неверное, никто ничего бы не отбил, если бы ваш князь Горчаков не приказал защитникам города отойти на Северную сторону. Эту команду он бы отдал намного раньше, просто ему пришлось дожидаться, пока смерть заберет этих замечательных героев. Князь их попросту боялся. При их жизни такие приказы были недействительны. – Майкл продолжал разглагольствовать в том же духе, а Владимир к своему огромному удивлению только сейчас обнаружил, что перед ним именно человек по кличке Марс, немецкий агент, чью фотографию он сжег сегодня утром в гостиничном номере; он намеревался теперь отыскать на корабле оригинал и установить за ним тайное наблюдение. А он сам навязался со знакомством! Прямо фантастика какая-то! Он несколько растерялся и не представлял своих дальнейших действий. Ему сейчас лучше всего как-то отделаться от лже-англичанина и обдумать ситуацию наедине. Он взглянул на часы и извинился: простите, мистер Сквейдж, у меня важная встреча. И он срочно поспешил в свою каюту. Возле двери стоял стюард с сифоном в руках: «я могу войти, мистер? я должен поменять вам воду». Как некстати, подумал Макаров, но кивнул и вошел следом, а слуга взял с подноса графин и поинтересовался: «не встречались ли мы когда-то в Сфаксе, мистер?»

– Ну, наконец! – обрадовался поручик и назвал отзыв. – А я уже начинаю думать о всякой чертовщине. Как мог человек, которого я прежде даже не представлял, отыскаться сразу в многотысячной толпе? И не только отыскаться, но и напроситься ко мне в знакомство. Как?

– Ничего удивительного, это могло быть простой случайностью. В жизни подобные события происходят на каждом шагу, просто мы их не замечаем. Вам что, никогда не приходилось в многомиллионном городе пересечься в течение дня с одним и тем же субъектом?

Владимиру пришлось признать, что иногда, хоть и не часто, но такое случалось.

– Так вот, – продолжал стюард, – а здесь всего лишь восемьсот пассажиров да сотня команды. Вероятность подобных встреч в тысячу раз вероятнее, так что успокойтесь. Продолжайте общение, но не забывайте, перед вами возможно тонкий психолог. Ваша задача на судне проста: устанавливать контакты англичанина. В Марселе мы передадим его другому человеку. А пока наблюдайте, с кем он будет общаться, и за всем, что будет происходить рядом с ним и сообщайте об этом мне. Я ваш связной и помощник, но вы ко мне не подходите, я сам вас

найду. Если будет что-то срочное, положите записку под скатерть вот здесь и попросите сменить воду в графине.

И он ушел, а поручику пришлось вернуться к немецкому агенту Марсу, который с таким воодушевлением играл роль англичанина, представителя торговой компании. И вспомнил Перколе в его амплуа историка и археолога, и себя – страхового агента, и Пешкова – простого пехотного майора, и подумал: «все мы здесь актеры, причем весьма злодейского театра».

Следует признать, с Майклом Владимиру по-настоящему интересно, ибо тот долгое время служил в Индии, стране совершенно не известной для большинства европейцев, поэтому есть что послушать. Правда, все его рассказы о местной экзотике и нравах индийцев неизменно скатываются к политике. Но, видимо, по-другому уже никто и не представляет общение: время наступило такое – все упирается в нее. Майкл заядлый шахматист, он может целый день провести за доской и при этом сочетать игру с красочным повествованием. Владимир на такое не способен, заслушавшись, он слабо контролирует игру и почти все время проигрывает. Возможно, это хитрый прием его противника, но он относится к этому снисходительно и нисколько не обижается. Вот и сейчас, англичанин рассказывал только что про обезьян и вдруг сменил тему.

– Вы представляете, с каких давних времен Англия и Индия связаны между собой? Нет? Тогда скажу вам – более трехсот лет. Это было время выдающихся покорителей морей и океанов! Если вы только взглянете на карту, то изумитесь: какие огромные расстояния разделяют эти страны. Но для человеческого разума расстояния никогда не являлись существенным препятствием. Тем более, когда ты долгое время живешь в Индии среди своих земляков, то начинает казаться, что ты на Британских островах. Великая Ост-Индская компания обрела жизнь еще в 1600 году, и с тех пор ее помыслы были направлены на развитие беднейшего полуострова Индостан с его терпеливым народом, нищими и бесправными хиндустанцами, бенгальцами и тамилами.

– И что же? все это время совершенно бескорыстно? – поинтересовался Макаров.

– Не задавайте ехидных вопросов, вы ведь, надеюсь, не коммунист? Это они бесконечно кричат о своем бескорыстии. Нет, мы, конечно же, всегда стараемся работать с обоюдной выгодой. Как все нормальные люди. Англия нуждалась в пряностях, чае, опиуме, шелковых тканях и многом другом, а взамен мы возводили города, строили для индусов больницы и школы, проводили шоссейные и железные дороги. Я уже сказал вам, что это настоящая история, и в ее основе лежало стремление людей к общению и натуральному обмену, что в те времена являлось основным двигателем прогресса. Простите, вам шах, поручик, а следующим ходом я забираю вашего ферзя! Вы будете играть новую партию? Прекрасно, тогда я продолжу свой экскурс по славной истории Великобритании. Вест-индская компания просуществовала до 1858 года и здравствовала бы и поныне, если бы не эти бесконечные восстания индусов, особенно последнее 1857 года.

– В чем же дело, Майкл? Неужели им так надоел прогресс? Какие же они отсталые! А как же обоюдная выгода?

Англичанин махнул рукой: шутки у вас, Владимир, типично советские. Я начинаю подозревать, что передо мной вовсе не эмигрант времен гражданской войны, а самый заурядный агент чека. Нужно будет шепнуть, куда следует.

– Можете шептать, чека у них уже давно нет, – парировал Макаров, – а вам шах!

– Если бы вы были честным человеком, то сказали бы: чека у нас давно нет! Но вы хитрый, – продолжал смеяться Сквейдж, – но речь моя вовсе не о том, как разрушили столь славную компанию, и не восстание тому виной, а сами англичане. По каким-то малоизвестным законам, замечено, что обычно сами родители разрушают все то, что создано в их семье с таким трудом, хотя, к счастью, так бывает не всегда. Но речь, я еще раз повторюсь, о том, что благодаря ее усилиям и на ее же капитал Англия приобрела десятки колоний в трех мировых

океанах, вдохнула в них жизнь, именно тем, что создала там законодательные, медицинские, просветительские и другие столь важные системы.

В этот момент прозвучали склянки, приглашающие обедать, и соперники, оставив партию, явно склонившуюся к безоговорочной ничьей, отправились в кают-компанию. Столик у них на троих, вместе с ними сорокалетний капитан французского иностранного легиона Стив Фариссон, уволенный из армии по контузии. Майкл принял его сразу с недоверием: «признайтесь, Вольдемар – это ведь ваш человек? Слишком он смахивает на выходца из России, поскольку сочувствует коммунистам. И потом – эта контузия! Контузия, а не ранение лишь только потому, что она в отличие от ранения внешне незаметна». «Но ведь это вы, а не я пригласили его за наш стол, – возражает Макаров. Майкл на секунду задумывается, – неужели я? Ах да, он ведь стоял посреди зала, озираясь, а следом приближалась дама, явно намереваясь присоединиться к нам. А ведь это была бы катастрофа для нашей мужской компании. И я был вынужден его позвать к нам, его – вашего тайного агента, – смеется Майкл. Обедают они, обычно молча, но когда подают десерт и выпивку англичанин продолжает политические дискуссии, начатые за доской.

– И вот теперь, когда Англия с превеликими лишениями для своей короны создала столь привлекательные системы, позволяющие беспрепятственно и плодотворно вести бизнес в этих заброшенных прежде странах, когда все это воздвигнуто тягчайшим трудом и взлелеяно в муках, теперь появляются хищники, желающие отобрать все это при помощи грубой силы.

Владимир вопросительно посмотрел на англичанина. – Хищники?

– Да, самые настоящие! Алчные и грубые, и все это называется немецким реваншем.

– Вы думаете, что Гитлер собирается напасть на Великобританию? – вмешался Фариссон.

– Уверен на сто процентов! – продолжает горячиться Сквейдж, – но не только на нас, но и на вашу Францию тоже. Хотя у нее, несчастной, и отбирать то нечего, она уже и так растранижирила все свои колонии. А вот у нас ему, конечно же, есть чем поживиться. А для войны многое потребуется!

– Но ведь очень многие считают, что первой мишенью у Гитлера будет все-таки Россия! – не соглашается капитан, – да и сами немцы вовсе этого не скрывают.

– Обман! Везде сплошной обман! Напасть на Советский Союз, имея за спиной две такие мощные державы, фюрер не рискнет. Первой будет Франция, затем Англия. Хотя нас может спасти пролив. Но не думаю, что это может быть столь серьезным препятствием для вермахта. Недаром немцы делают упор на авиацию и флот. Да еще и с подводными лодками.

Покончив с десертом, они вернулись к шахматам. Фариссон сидит с ними, в шахматы он не играет, видимо его заинтересовал политический диспут, затеянный англичанином. Хотя для Макарова понятно: немецкий агент или прощупывает общественное мнение, или же вбрасывает дезинформацию. Ладно, посмотрим, что будет дальше.

– Так вот, насчет флота и, особенно подводных лодок, у немцев взят курс еще с сорокадцатого года. А сейчас они продолжают его усиливать, ясно, что все направлено против великой морской державы, моей страны, – продолжает Майкл, начиная новую партию. Поговорив немного о Первой мировой, он неожиданно припомнил совсем ветхую старину: семилетнюю войну 1756 года. Переход этот сделан неспроста. Англия в ее ходе разгромила Францию и увенчала свой триумф, отобрав у французов Канаду, Южную Каролину и полностью вытеснив их из Индии. Но причина, оказывается, не только в этом. Сквейдж использует момент, чтобы лягнуть Россию и провести удачную на его взгляд политическую параллель. – Россия воевала в союзе с Англией и превосходно выполнила свою миссию, разгромив пруссаков во главе с непобедимым Фридрихом, чего тот никак не ожидал, но затем вдруг заключила мир с этой же поверженной Пруссией. Как вы все это объясните нам, уважаемый?

– Я не настолько силен в знании столь отдаленных событий, но помню еще из гимназического курса истории, что Петр Третий родился в Пруссии и до 1742 года, а это целых четыр-

надцать лет, он носил имя Карл Петер Ульрих. И еще он с самых юных лет преклонялся перед прусским королем Фридрихом, так что не столь уж удивительно, что вступив в декабре 1761 года на российский престол, он тут же через один или два месяца заключил союз с Королевством Пруссии. Нужно не забывать, что это все-таки была его родина совсем в недалеком прошлом. Но Елизавета его тут же расторгла, хотя войну не возобновила, видимо, у нее были для этого веские основания. А в июне не стало и самого виновника замирения, Петра Третьего.

– Да? А я и не знал. Я считал, что он дожил до глубокой старости. А в чем причина?

Макаров взглянул на англичанина с подозрением: не может быть, чтобы тому не были известны такие факты. Но во взгляде Майкла искренний интерес, и он решил продолжить.

– Версий его внезапной смерти несколько, но главная – приступ геморроя.

– Да бросьте! – рассмеялся Майкл, – разве от геморроя умирают?!

– Простые люди, может быть, нет. Но вы не забывайте – это был все-таки царь, – возражает поручик. Он уже уловил причину столь сильного любопытства Сквейджа: связав в пару своего коня и слона, он двинулся на левый фланг его позиции, рассчитывая отыграть там две фигуры за одну.

– И не просто государь, а молодой человек, только вступивший на престол и решивший доказать всем свою большую значимость и высокий профессионализм, чем предшествующая ему на этом троне его родная тетя Елизавета Петровна. Вы хотите услышать об этом подробнее, господа?

Майкл не просто хотел, он даже просил, к тому же, его просьбу поддержал Фариссон. И поручик поведал своим слушателям занимательную историю несчастного царедворца.

– Многие историки считают, что полоса невезения для будущего российского императора началась в самом начале его жизни. Его мать, старшая дочь Петра Первого цесаревна Анна, умерла вскоре после родов. А его отец, сын герцога Гольштейнского, скончался, когда мальчику было одиннадцать лет. Поэтому его воспитанием занимались случайные люди, что не могло не проявиться в дальнейшем целым букетом отрицательных черт характера. Ко всему, мальчик с детства пристрастился к вину. Его тетка Елизавета Петровна привезла юношу в Россию, где окрестила под именем Петра Федоровича, поскольку отца звали Фридрих. Теперь претендента на российский трон предстояло сделать семьянином, что и блестяще исполнила все та же царица Елизавета. Она женила Петра Третьего на принцессе Ангальт-Цербстской, будущей великой императрице Екатерине Второй. (В этот момент Владимир сделал рокировку своего короля, на что Майкл, возможно, не обратил должного внимания. Он все еще горит идеей отнять задаром у поручика слона и пешку. Или же он действительно так увлечен этой историей? Как бы то ни было, у него теперь есть шанс обыграть англичанина). У молодых отношения не складывались с самого начала: высокий интеллект супруги не давал возможности найти точки соприкосновения с инфантильным мужем. Помимо этого, был еще какой-то физический изъян у молодого государя, ограничивающий его способности в постели. И только после того, как ему сделали соответствующую операцию, в 1754 году родился сын Павел, тоже будущий император. Это событие несколько не улучшило отношения в царской семье: Петр завел любовницу и совершенно отдалился от жены. Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба Екатерины, если бы не братья Орловы. Возможно, что на царском троне никак бы не удержалась привезенная из Германии, а затем брошенная всеми юная фройлен, и к славе России, у ее руля не стала бы столь замечательная самодержица. Алексей Орлов, будущий герой Чесменского сражения, и его брат красавец Григорий, безумно влюбленный в незащищенную на тот момент молодую женщину, действовали молниеносно. Утром 28 июля Екатерину перевезли из Петергофа в Петербург и провозгласили императрицей, затем с группой гвардейцев отправились опять в Петергоф, где находился Петр Федорович. Для свиты братьев не составило большого труда расшвырять «голландскую стражу» и увезти его в Ропшу, где он и под-

писал отречение. Но случилось нечто непредвиденное – Петр Третий там внезапно скончался, и никто не мог точно утверждать, при каких обстоятельствах это случилось.

В этом интересном месте Владимир обрушился на королевский фланг Майкла и вынудил его капитулировать через несколько ходов.

– Черт! Я этого от вас не ожидал! – негодуяще воскликнул англичанин. – А откуда здесь взялись сразу две ладьи? После рокировки, говорите? Ладно, я сдаюсь. Раз вы уже убаюкали меня столь интересной легендой, то доскажите ее хоть до конца. Хоть какое-то утешение!

– Это вовсе не легенда, мистер Сквейдж, – смеясь, возразил Макаров, – это печальная русская действительность, в которой, как во всем на свете, присутствует детектив. Врачи констатировали инсульт при обширно развитом геморрое, усугубленные обильной длительной выпивкой. Но тут поползли слухи: во дворце вечером произошла драка, а уже утром Петра Федоровича нашли на полу его кабинета мертвым. Многим хотелось увидеть в сих событиях руку братьев Орловых, якобы расчищавших место на престоле для Григория, возлюбленного Екатерины, но доказательств тому до сих пор никаких нет. Разве признание гвардейца Дмитрия Басаргина о том, что ему все-таки пришлось разок стукнуть по скуле бывшего царя, и то исключительно для порядка, так как «он, распоясавшись сам с кулаками в лицо ко мне полез. Вина все требовал, мы и подавали ему, пока оно не кончилось. А где ночью его взять? Но он, морда немецкая, не понимает, пьяный, а драться лезет. Вот и стукнул я его легонько по скуле, чтоб не лез. И он успокоился». Увидев пудовые кулаки гвардейца, любой бы сразу согласился, что после этого следует успокоиться. А братьев в ту ночь, к счастью, во дворце не было. Кутили они далеко от места событий, и их алиби железное. Вот так бесславно и трагически прервался путь неудачливого царедворца, заключившего столь неуютный для вашей Англии мир. Но она отомщена провидением, Майкл, так что не возмущайтесь.

– Нет, вы меня не успокаивайте, – англичанин продолжает разбирать события, давно отошедшие в прошлое, но они, оказывается, нужны ему для нового прыжка в настоящую ситуацию. Все еще обсуждается Пруссия, которая стала теперь Германией, она беспокоит Сквейджа больше всего, но он не забывает и о России. – Спасибо, Владимир, что вы так ярко просветили меня насчет того злополучного мира, ведь оставалось дать всего лишь один щелчок, чтобы добить пруссаков окончательно. Но я вспомнил и о другом мире, который заключила все та же Россия, совсем уж недавно в 1918 году, в Бресте, между большевиками и Германией. Вы, конечно же, сошлетесь на то, что войну начинал царь, которого уже и след простыл, но ведь временное правительство не отказалось от прежних обязательств перед Антантой. Ведь всем было понятно, что в лице Австро-Венгрии и Германии мы имеем агрессора, и Россия должна была выполнять общее дело его обуздания, иными словами – полного разгрома их армий и уничтожения военного потенциала.

Макаров молчал, и это еще больше распаяло Сквейджа.

– Но коль большевики не стали продолжать войну, то тогда стоит согласиться, что версия организации большевистского переворота в России на деньги Германии имеет под собой реальную основу. Я снимаю шляпу перед господином Лениным, я восхищен его предприимчивостью. Организовать свержение одной империи на средства другой – это даже гениально! Хотя будем справедливы, никакой империи Ульянов не сокрушал, ее до него уничтожили социал-революционеры и социал-демократы. Вот уж действительно вздорный народ: царя свергли, взамен ничего путного не предложили, и, не сумев удержать власть, свалили все на тех же коммунистов. Но во главе их уже стоял Сталин, который довольно быстро разобрался со всей этой публикой. Вы продолжаете молчать, уважаемый, но хотя бы скажите мне, как это все расценивать? Вы что – со всем согласны или же у вас, как всегда, мнение, выращенное в вашем сознании под влиянием особой русской идеи? Суть, которой никто в мире не понимает. Конечно, кроме вас, русских, хотя иногда даже и в этом можно усомниться.

– Признаться честно, Майкл, я даже не знаю, что вам ответить. Если я скажу, что любое прекращение войны всегда идет на пользу человечеству, хотя бы потому, что перестают гибнуть люди, вы сочтете это банальностью. Я не такой уж пацифист. И всю свою не столь уж долгую жизнь провоевал, но уверен: ни одна политическая или экономическая идея не стоит того, чтобы люди за нее отдавали свои жизни. Люди, на которых надевают военный мундир, дают винтовку и посылают убивать других, точно таких же, ни сном, ни духом не подозревающих, во имя чего это делается. Не сочтите, что я желаю обидеть лично вас, я далек от этой мысли, но, насколько мне известно, во время Крымской войны 1854 года именно английские солдаты не желали в ней участвовать. Когда они очутились под Севастополем, по утверждению отдельных историков, как раз ваши солдаты чаще всего покидали армию, попросту сказать дезертировали, о чем есть документальные факты. Но уже к концу следующего года, когда Александр и Наполеон стали склоняться к мысли о заключении мира, ваша Англия настаивала на продолжении войны, затеянной, как утверждает большинство историков, именно ею. Что вы на это скажете?

– Скажу, что вы не любите Англию. Хотелось бы знать, в чем причина? – ответил Майкл.

– Я люблю Россию и справедливость. К Англии не питаю неприязни, и этого достаточно. Хотя, – Макаров вдруг вспомнил Перколе и его пылкие выпады против англичан, – хотя есть люди, упорно считающие именно Британию злым гением в отношении России. И если чуточку покопаться в мировой истории, боюсь можно раскопать множество доказательств в этом плане. Но я не рискну погружаться туда, где полно загадок даже для специалистов, а я ведь любитель. Но мне интересно другое, какое отношение ко всему этому имеет Сталин, о котором вы вдруг сейчас вспомнили?

– Вы наблюдательны, поручик. Вспомнил я о господине Сталине не вдруг. Мне стало чрезвычайно любопытно предположить, с кем из трех государств он заключит договор о союзе в этот раз. Хотите пари, что не с Великобританией?

Владимир не стал заключать пари; он просто никогда не размышлял на подобные темы. Но он совершенно неожиданно получил поддержку от молчавшего до сих пор Фариссона.

– Насколько можно судить по тем скупым сообщениям, которые все же иногда просачиваются в печати, то предложения заключить союз со стороны Советского Союза в адрес Англии уже поступали, причем не один раз. Но она не только их отклонила, но принудила поступить подобным образом и Францию. В этом нет ничего удивительного, ибо за всем этим стоит единственное желание: направить Гитлера на восток, – заметил капитан.

– О! Еще один противник Англии выискался! А ведь мы с Францией всегда прежде были союзниками. Не желаю больше с вами иметь дело, ухожу в бассейн, – рассмеялся Сквейдж.

Так протекало их путешествие из Танжера в Марсель, скрашенное шахматными баталиями и политическими диспутами. Но если шахматы – это было всерьез и непримиримо, тем более, что фортуна теперь все чаще поворачивалась к Владимиру – то разговоры о политике никогда не обострялись и при отсутствии согласия у одной из сторон тут же сворачивались.

Однажды Майкл заявил: «пока я загонял вашего короля в ловушку, кажется, кто-то рылся в моей каюте». Макаров тут же положил записку под графин и уже утром услышал: «это была ложная тревога, оказывается, один из стюардов нечист на руку. Говорят, его тут же уволили. Парня жалко, ведь он ничего не взял, но подделом ему». В другой раз ему удалось заметить, как Сквейдж обменялся несколькими фразами с разгуливающим на палубе пассажиром. Он тут же принялся следить за ним, выяснил из какой тот каюты и передал связному вероятного сообщника англичанина. В марсельском порту они тепло простились. Майкл вручил ему визитную карточку.

Сэр Сквейдж Майкл, юрист. Фруктовая Компания, Бомбей, Мэдисон стрит, 132.

Через некоторое время капитан Стив Фариссон, он же агент французской разведки, сидел в автомобиле, припаркованном у края тротуара. Пежо с затемненными стеклами, машина начальника марсельского отдела внешней разведки подполковника Дарте, ему он только что доложил о выполнении своего задания в Касабланке. Помимо основной задачи, капитан попутно наблюдал за немецким агентом Марсом, дублируя новичка, русского поручика, только что принятого в ряды их ведомства. Фариссон считает, что из русского офицера наверняка получится неплохой разведчик. Разумеется не сразу, а при определенной подготовке под наблюдением опытного педагога. Задатки для этого есть, и неплохие. Может одновременно играть в шахматы, вести серьезный разговор и наблюдать за обстановкой. Коммуникабелен, легко находит общий язык с любым контингентом. Отличная реакция, поскольку в юности занимался боксом (этот последний факт капитан почерпнул, заглянув пару раз в корабельный спортзал). Все остальное в анкете, приложенной к его личному делу и заверенной подписью майора Зиновия Пешкова. Но учтите шеф, этот хороший агент, никогда не станет хорошим французом. Он останется русским по своим взглядам и симпатиям, сколько бы его не учили, заключил свое сообщение Стив. Он не ждет от Дарте никаких комментариев, обычно после таких сообщений их не бывает, однако шеф неожиданно заговорил об этом незначительном, по мнению капитана деле.

– Преданность своей родине – это сильная черта, и она присуща действительно сильным личностям. Ведь как бывает у некоторых: глядишь, он пламенный патриот своей страны, но только до того момента, пока его там не обидят. И вот он уже в стане врагов этой же страны и готов не только проклинать, но и начать войну со всеми, с кем он только что обнимался. Хотя там все осталось прежним. Русских, вынужденных уйти в эмиграцию, обидели так, что больше не бывает. Отнять дом, семью, близких, имущество, доходы, чины, звания, и все, что только можно вообразить. Лишить возможности вернуться обратно, к дорогим сердцу местам, не позволить упокоиться на той земле, где родился и вырос, где покоится прах твоих родителей. Как можно обидеть больше? – Вопрос Дарте задал, скорее всего, самому себе, и капитан промолчал; обычно сдержанный, шеф сегодня чем-то взволнован, подумал он, а тот продолжал. – У нас есть достаточно сведений, что какая-то часть бывших белоэмигрантов уже поступили на службу в германский Абвер, где их будут готовить к будущей войне. Как вы думаете, Стив, это патриоты какой страны? России или Германии? Представьте себе их выбор. Идти вместе с немцами против России, потому что они ее патриоты, при этом прекрасно понимая, что принесет немецкая нация русскому человеку. Мы не знаем точно, сколько их уже там, но будет еще больше, ибо сегодня самый прекрасный агитатор – это голод и нищета.

По тротуару мимо машины Дарте начинается людское движение; таможня выпускает первые партии пассажиров. Делается это малыми порциями еще и для того, чтобы хорошенько рассмотреть в лицо каждого, выходящего по узкому проходу. По твердому убеждению начальника отдела внешней разведки, именно оттуда, из Африки во Францию, через марсельский порт попадает значительная часть иностранной агентуры. Проход ограничен турникетами на ширину одиночного строя и освещается яркими фонарями. С обеих сторон толпятся встречающие, а также носильщики и таксисты, предлагающие свои услуги, но Стив знает: почти треть из них – это шпики из их ведомства. Сам он вышел через служебный вход и теперь еще и еще всматривается в лица приезжих, хотя наблюдал их на теплоходе от самого Танжера. Но те, кто им нужны, там могли запросто прятаться под любой личиной, теперь же они все на виду. Наконец показался поручик Макаров, он вел под руку даму в шляпке с вуалью; капитан указал на них шефу.

– А кто дама? – поинтересовался подполковник.

– Понятия не имею. Очевидно, из встречающих, – ответил Фариссон. Дарте некоторое время молча смотрел им вслед и вдруг предложил: понаблюдайте за этим русским, пока он в

Марселе, и поинтересуйтесь, куда он отсюда двинется. Может, узнаем что-нибудь интересное. – Капитан кивнул, вышел из машины и позвал ближайшего филера.

Макаров и Сюзанна прямо от морского вокзала отправились в кафе на сваях, принадлежащее барону Ангельму Дидро. По дороге его одолевало смешанное чувство какой-то потери, случившейся с ним очень давно, тем не менее, чего-то дорогого даже в воспоминаниях. И, конечно же, невозвратного, потому что за этим стояла Жанна; у нее давно уже своя семья, да и у него тоже, но, ... Он с трепетом открыл входную дверь, там все, как прежде; повара и официанты не признали его – здесь, очевидно, все новые люди. Еще бы! Прошло столько лет! Сколько же? Двенадцать? Тринадцать? Он не помнил точно и не старался припоминать; это было его первое знакомство с Францией. После бегства из России в двадцатом почти три с половиной года войны в Тунисе и Марокко, бегство из Легиона вместе с Сашей Петренко (обязательно следует его навестить), затем корабль контрабандистов и высадка на французский берег неподалеку от Безье. Тогда ему казалось, что все это ненадолго и скоро начнется путь назад, на далекую милую Родину. Но колесо истории жестоко и вращается оно по своим, присущим только ему одному законам, в которых зачастую нет места для милосердия, оно просто не предусмотрено. Причем милосердия для людей, твердо уверенных, что именно они его, это колесо, как раз и вращают.

Они уселись за столик в уголку; отсюда виден залив и стоящие ровными рядами яхты. Сестры устроили ему прогулку по морю тогда на второй или третий день его пребывания во Франции. При этом воспоминании щиплет в носу, он отворачивается к меню. Он не голоден, но что-то необходимо сделать, чтобы хоть как-то начать разговор. Разговор этот необходим, он должен внести ясность в их отношения. Он не решился тогда в Ткауренсе, и попытается сейчас. Но им снова помешали; мальчик принес записку: «месяц Макарофф ожидают в Круизе по Африке». Они покинули кафе на сваях и отправились в гости к Николо Ксавье. Владимир час назад поинтересовался у встречавшей его в порту Сюзанны, откуда ей известно время появления его в Марселе. «Пусть это останется моим маленьким секретом, – ответила девушка. Теперь ясно, откуда. Выходит, для этой фирмы доступны списки прибывающих пассажиров.

Дверь им открыл сам Николо; они обменялись крепким рукопожатием, хотя Владимир обнял бы сержанта с огромным удовольствием, настолько тот ему симпатичен. Но можно предположить, что такое чувство у него ко всем, кого он теперь встречает на ставшей вдруг ему близкой и родной земле французской. Раньше он этого не замечал; лишь позже он услышит некое определение этому – африканский синдром. Тоска после долгого пребывания в Африке.

Николо провел их в комнату, ту самую, где когда-то его принимал капитан Зое. Теперь он оставит их одних на несколько минут, нужно распорядиться насчет ужина. Они долго молчали; Сюзанна уселась напротив и, подперев голову рукой, смотрела на поручика.

– Я виноват перед тобой, Сюзи, – вымолвил, наконец, Владимир, – ты столько сделала для меня, ты рисковала жизнью. А я? Я ничего не могу предложить тебе взамен ...

– А мне ничего не нужно теперь! Я нашла то, что искала ... Я встретила Арсена, а ведь это все благодаря тебе. Если бы не ты, я бы ни за что туда не поехала. Ты понимаешь? Я теперь счастлива, и тебе не в чем винить себя. – Девушка задумалась и добавила, – зато я многому научилась, кажется, я по-другому теперь смотрю на жизнь. Кажется, более бережно.

Вошел Ксавье с подносом, он услышал конец фразы.

– Милая девочка! Африка сделала из тебя настоящего философа. Более бережно смотреть на жизнь! Это надо же, как красиво сказано. Это ведь именно то, чего не хватает нам, дуракам! Я имею в виду, нас мужиков. Особенно тех, кто по второму кругу идет в Легион и умудряется попасть там на каторгу. Расскажешь мне, Влад, все по порядку, но не сегодня. Сейчас мы будем ужинать, и говорить только о приятном. Хотя уговор: говорить будете вы, а я только слушать. Но вначале выслушаем нашу Жанну Д'Арк.

Почти два часа ушло у Сюзанны на то, чтобы поведать свою африканскую одиссею. Затем вызвали по ее просьбе такси, и Ксавье проводил девушку к машине. Вернулся он с весьма задумчивым видом, почти минуту молча пил чай, наконец, заговорил.

– Влад, тебя точно выпустили с каторги? Ты слушаем не сбежал?

– Выпустили. Могу даже сию же минуту документ тебе показать. А к чему этот вопрос?

– Вчера я ходил встречать тебя вместе с Сюзанной. Конечно, он об этом не знала. Я ее дважды проинструктировал, чтобы она сразу не цеплялась тебе на шею, но она нарушила наш уговор. Ладно, простим ее – девушка соскучилась. За вами от вокзала шел хвост, а когда вы вышли на бульвар, там прицепили еще одного. Причем команда поступила из автомобиля с затененными стеклами. На таких в городе ездит полиция и разведка; я точно знаю эту машину, хотя на ней чуть ли не ежемесячно меняют номера, иногда перекрашивают, или же меняют на новую, но той же марки. За Сюзанной сейчас никто не пошел, она их не интересуется – значит, им нужен ты. Это становится совершенно ясным после рассказа об ее похищении в Фесе. Они через нее искали тебя, и, возможно, им удалось это сделать еще в Марокко.

Макаров тут же вспомнил о слежке, которую он обнаружил в Ткауренсе; тогда он не мог обсудить с девушкой их отношения, но что-то он ей говорил, и очень много. И надеялся, что не сказал ничего лишнего. Но теперь он понял: за ним снова ходят люди Доше, если только не сам он лично, и похищение Сюзанны тоже его работа. Что же делать? Выйти через черный ход? Снова переодеться женщиной? Но Доше этот трюк уже хорошо известен. И причем здесь полиция? Нет, это точно не полиция, скорее всего – это его же коллеги, разведчики. Видимо, что к нему присматриваются, как к новому человеку. Да и не только как к новому; помимо всего, он еще и русский эмигрант, так что такая степень недоверия вполне естественна. Поэтому свои хвосты его совершенно не волнуют, а вот от людей Доше необходимо избавиться.

– Ты наверняка знаешь, Николо, что мне сейчас делать? – поинтересовался поручик.

– Сейчас ничего не нужно делать. Сейчас ты ляжешь спать, наверху для тебя готова комната, а мне предоставь возможность подумать об этом на досуге. Мне уже все равно не спиться по ночам, очевидно старость совсем уже рядом, пора ее встречать, – закончил, с улыбкой Ксавье.

Последней реплике Макаров усмехнулся: он знает, сержанту недавно исполнилось пятьдесят. Глядя на его мощную фигуру, вспомнил, что говорили о подобных типах на Руси: «да его еще оглоблей не перешибешь!». За утренним чаем он внимательно выслушал разработку Николо. «Сделаешь все, как я предлагаю, избавишься от всех своих хвостов, причем надолго. Не обещаю навсегда, но пока не вернешься снова в наш город – гарантирую, – сказал Ксавье.

Он поблагодарил своего друга и отправился на набережную, где рассчитывает встретиться с Сюзанной. Она неотъемлемая часть их плана. И они уже вместе посетили магазин мужской одежды, где по совету мудрого Николо поручик купил неподражаемую ковбойскую шляпу; Голливуд уже пленил яркими атрибутами своих искрометных фильмов европейский бомонд. Шляпа с высокой тульей и широкими полями; она издали заметна в любой толпе, и при желании может успешно прятать лицо его владельца. «Все оставшиеся дни, что ты проведешь в Марселе, не снимай ее ни на минуту, пусть тебя видят и запомнят именно по этой шляпе, – предупредил его сержант. К шляпе подошел такой же черный широкополый плащ. – Да ты настоящий техасский ковбой! – восхитилась им Сюзанна, когда он вышел из магазина, – и все это, представляешь, тебе чертовски идет!

Прогуливаясь по набережной, они подошли к городской пожарной части; сразу за ее высокой каланчой дом шкипера Геридаса. Это самое благословенное для Владимира место во всей Франции. Отсюда к нему притекал ручеек желанных вестей из Крыма, ручеек, который постепенно слабел, пока не иссяк вовсе. Шкипер как-то сказал, что Россия отгораживается от всего мира. – Зачем они это делают? – поинтересовался Макаров. – Не знаю, так им, наверное, лучше. Мы ведь совсем не знаем, как они живут, но мне кажется, намного интереснее, чем

раньше. Они много строят. И порты, и корабли у них теперь другие: больше и красивее, хотя еще много старого.

– Ты вылитый американец, – рассмеялся при встрече Андрэ Геридас, – если бы рядом не было Сюзи, ни за что тебя бы не узнал. Сколько же мы не виделись? Кажется, более двух лет, не так ли?

– Да, пожалуй, столько. Со времени последней весточки. И что, больше ничего?

– Ничего. Хотя Анатолий говорил, там открылся новый канал, кажется вполне легальный и надежный, но подробности у него. Он живет теперь в Арле постоянно. Это рядом с Нимом.

Этот вариант устраивал Владимира, бежать из Марселя ему придется через Сет, а уже оттуда можно наведаться в Ним. Он простился с Андрэ и пообещал передать привет его брату.

На следующий день он с Сюзанной посетил Морской банк, где стараниями Роберта Кришона для Макарова открыт счет. Сейчас он снимет деньги, они нужны для предстоящего дела. Раз он уже в банке, то следует попытаться добиться встречи с управляющим месье Легру. Он познакомился с ним в свой последний приезд; месье Легру, высокий розовощекий старик с белыми пушистыми бакенбардами, не уделил тогда должного внимания будущему клиенту и разговор практически не состоялся. То, что пытался узнать у него этот молодой человек, вовсе не могло быть предметом обсуждения – конфиденциальность, прежде всего. А вот сейчас совсем иная ситуация. Теперь перед ним человек, имеющий счет в их банке, пусть пока небольшой, но ежемесячно увеличивающийся, что не маловажно. Он занимает значительный пост в транспортной конторе барона Дидро и вполне возможно скоро станет его зятем. Правда в жены ему прочили раньше старшую дочь Жанну, с которой видел Легру его пару раз в Марселе в совсем недалеком прошлом, а теперь он сопровождает младшую. Ну что ж, это их дело, тем более, что младшая тоже прехорошенькая.

– Месье Легру, будучи в России, я имел честь познакомиться с Георгом Дюбуа, он сообщил мне, что является единственным законным наследником графа Ламбера Дюбуа, своего отца. И поручил нам, военным людям, ушедшим из Крыма в двадцатом году, произвести некоторые действия на благо его внука. Но судьба разбросала нас, нескольких офицеров, посвященных в эту проблему, по всему миру настолько, что между нами разорваны все связи. Сейчас мне хотелось бы услышать от вас одно единственное: не появился ли хоть какой-нибудь сигнал, что кто-то из наших добрался до вашей конторы и попытался предъявить документы?

Отвечать на подобный вопрос управляющий, конечно же, не имеет права, что он и высказал в присутствии своего секретаря. Затем последовал жест, означающий окончание приема, все встали, месье Легру проводил их до двери. Первым вышел секретарь и не оглядываясь пошел по коридору, и только теперь Легру посмотрел Владимиру в глаза и отрицательно покачал головой. Поручик приложил руку к сердцу и откланялся.

Итак, сегодня его последний день в Марселе. Вечером от причала отойдет теплоход «Бристоль», на нем он приплыл сюда и по версии Николо Ксавье на нем же якобы покинет Францию. После Морского банка Владимир несколько часов просидел в снятой им квартире, посвятив это время письмам. Ближе ко второй половине дня он рассчитался за жилье, вызвал извозчика и назвал ему адрес модного ресторана в центре города; по дороге ему пришлось заехать в салон женских причесок и забрать Сюзанну. В ресторане для них был заказан столик на троих, за ним уже сидел немолодой мужчина в строгом вечернем костюме. Он поднялся им навстречу, обнял и поцеловал в щеку девушку, и долго тряс руку поручика; они приступили к ужину, который занял почти полтора часа, и на улице совершенно стемнело. Они поднялись и прошли в гардероб, где Владимир надел свою знаменитую шляпу и плащ и отправился в туалет, а мужчина в черном подал пальто Сюзанне. Через полминуты поручик вышел из туалета, простился с их сотрапезником и они с девушкой сели в карету, а тот снова ушел в зал. «Я подожду вас, Сюзанна, крикнул он ей на прощание». Извозчик снова подъехал к дому, где жил Макаров. Девушка осталась в карете, а он позвонил в дверь, и слуга вынес ему саквояж. Через полчаса их

экипаж стоял на площади у причала, где заканчивалась погрузка на «Бристоль». Они прогулялись по набережной, до отплытия оставалось всего несколько минут, но он все же успел преподнести Сюзанне огромный букет. Все, кто собирался отплыть, уже поднялись на борт; поручик стоял у трапа, у ног стоял его саквояж. Вахтенный офицер посмотрел на часы: « месье, уже время, поторопитесь, я прикажу сию минуту поднять трап!» и дал сигнал матросу у лебедки.

– Я еще думаю, – ответил пассажир. Там наверху что-то затрещало; последний поцелуй, и он шагнул к сходням.

– Володя, прошу тебя, возьми цветы! Я хочу, чтобы они остались с тобой, – воскликнула она. Он прижал букет к лицу и прыгнул на трап, когда его уже стали убирать. У причала, кроме Сюзанны, двое мужчин взирают на все происходящее с явно растерянным видом. Девушка села в карету и отъехала. В ресторане их спутник сидел на том же месте.

– Как прошло расставание? – громко поинтересовался он, – надеюсь, вы не плакали?

– Нет, до этого не дошло. Влад купил мне огромный букет, а я уговорила взять его с собой.

– Правильно! Идемте, я куплю вам новый, еще больший. Или вы хотите остаться?

– Да, я бы еще посидела немножко. На улице довольно сыро, и я озябла. Попросите подать мне чай с ликером, попытаюсь чуточку согреться.

Они пили чай и теперь перешли на тихий шепот. – Ну как, нормально? – поинтересовался мужчина. – Да, Володин двойник закрыл лицо букетом и прыгнул на трап в последний миг, те, что ходили за нами, замешкались. Корабль ушел без них, – сообщила Сюзанна. – Теперь подмена раскроется не скоро, первая остановка судна в Барселоне, практически им его не найти!

Утром следующего дня агент внешнего наблюдения доложил капитану Фергюссону, что наблюдаемый ими объект покинул Марсель на теплоходе «Бристоль». – Мы не последовали за ним, согласно вашего приказа. Но за ним, шеф, здесь вели наблюдение еще кто-то, кроме нас, мы в этом уверены. Два типа, меняясь через каждый час, неотступно следовали за ним по всему городу. Вот кого-то из них он классически оставил с носом, так как очень ловко прыгнул на сходни, в тот момент, когда их уже почти подняли.

«Молодец, Влад! – Стив внезапно подумал с теплотой о поручике, с которым познакомился совсем недавно, и который ему симпатичен. – Ловко же ты нас всех обманул». Капитан уверен, что Макаров остался в Марселе, поскольку по плану у него скоро встреча в Париже с нашим агентом. Интересно бы узнать, кто еще за ним там ходит, но на это нет ни сил, ни времени. Но ему стоит об этом сообщить немедленно.

В Е Р О Ч К А И Л Е В А

Макаров в это время сидел в маленькой каюте такого же маленького пароходика, совершающего рейсы между Марселем и Сетом. В Сете он сойдет – это его конечная остановка. В туалете, где он обменялся одеждой со своим двойником, взамен шляпы и плаща ему вручили светлую куртку с капюшоном и вязаную шапочку. Последнее очень кстати, на море уже довольно свежо, теперь он натянул ее на уши, поднял капюшон и тихо дремлет. Или делает вид, так как на самом деле его голова погружена в распутывание сложнейших проблем, которые поджидают в ближайшие дни. Эта слежка за ним в Марселе явно говорит, что для их решения действовать он должен быстро и решительно. Главная задача – это безопасность его семьи. Все, с кем он говорил на эту тему, все сходились в одном: над его семьей висит реальная угроза, и оставаться им на прежнем месте нельзя ни в коем случае. Он должен, причем как можно скорее, не откладывая в долгий ящик, перевезти их в безопасное место. Но вначале его следует отыскать, это место, где он их сможет надежно спрятать. А потом уже к ним. Скорее бы! В груди нетерпение, а по ночам кошмарные сны, в них он все время опаздывает и попадает в какие-то пустые комнаты, сменяющие одна другую в чудовищном бесконечном калейдоскопе.

И везде пусто, пусто, а он слышит совсем рядом родные голоса, и ему кажется, что они зывают к помощи, но никого не может найти и просыпается от чувства какого-то ужаса, разбитый и с болью в сердце.

В Сете он сел в автобус и отправился в Ним; ему, вообще-то нужно в Арль, к шкиперу Анатолю Геридасу, но вначале все-таки в Ним, ведь там живет его земляк из Евпатории, владелец винного завода; он слышал об этом давно, но не имел случая туда заглянуть. А сами слова «земляк из Евпатории» звучат завораживающе и обещают нечто необыкновенно чудесное. Хотя, где они, эти чудеса?! Что-то не припоминаются абсолютно, зато всякой пакости, отравляющей ему жизнь – полно.

Автобус высадил его на окраине городка, он уже решил расспросить прохожего, как только тот встретится, но пройдя десяток метров, догадался: винный завод легко можно отыскать по густому теплому запаху перебродившего винограда, весьма напоминающий аромат свежеиспеченного хлеба. Вскоре он увидел телегу, доверху груженную корзинами с янтарными ягодами, и пошел следом за ней. Она привела его к воротам, перед которыми стояло несколько таких же телег; ворота были распахнуты, его никто не окликнул, и он вошел внутрь. Посреди двора вздыхала и чавкала какая-то странная, огромная машина, а вокруг суетилось множество людей с корзинами, ведрами и с какими-то диковинными вилами. В основном женщины, и кажется, большинство из них молодые и очень веселые. Владимир обратился к одной из них: «как мне найти директора?» Женщина радостно взглянула на него и крикнула тем, что стояли поодаль: «вот, наконец, один все же пришел!». И тут же рассмеялась громко и упоительно, и все вокруг, как по команде, расхохотались словно одержимые. Поручику стало неловко. Еще бы, ведь над тобой смеется такое множество людей, пусть это даже молодые прекрасные женщины. Он нахмурился и вопросительно посмотрел на нее; она с трудом переборолла приступ смеха и принялась извиняться.

– Простите меня, пожалуйста, месье! И их всех тоже простите! Мы не с вас, мы сами с себя смеемся. Не сердитесь, я все вам сейчас объясню. Раньше, много лет назад, виноградное вино делали вручную и сами ягоды раздавливали ногами. Для этой работы набирали молодых женщин, таких вот, как мы, – и она показала на подступивших к ней подруг. – Для этого женщины подвязывали платье вот так! – и она тут же подняла свою юбку почти до подбородка и представила на обозрение красивые смуглые ноги и такой же живот, и все это прикрыто узенькой полоской ткани, которая, очевидно, изображала шорты. – Вот так, видите! И мужчины со всего городка и даже с окрестных сел приходили посмотреть, как идет работа и заодно выбрать себе невесту. По ногам, понимаете? Сейчас эту работу выполняет винный пресс, и никто не приходит посмотреть на наши красивые ноги. Увидев вас, мы решили, что вы все-таки пришли именно за этим! – И она, казалось, снова собиралась захохотать, но передумала и указала на красное двухэтажное здание. – Контора вот, рядом. Они, возможно, еще обедают. Хотя нет, уже час дня.

– Благодарю вас. – Поручик с улыбкой поклонился окружающим, – а ноги ваши действительно прекрасны! Но вы ведь можете просто поехать к морю на пляж, там их обязательно оценят.

– Спасибо! – женщина, все-таки, опять рассмеялась, – а можно ваши слова насчет пляжа рассматривать как приглашение? – услышал поручик вдогонку. И снова веселый женский смех.

В приемной директора пусто, только в уголке возле столика с кофеваркой стоял молодой человек, очевидно секретарь. Он сообщил: «директор пока занят. А вы, по какому вы вопросу?» Владимир уже решил найти вначале Геридаса по телефону, чтобы не тратить времени на поездку, которая вполне может оказаться впустую, учитывая непоседливый характер шкипера.

– Я от Натана Мендельзона, вашего соседа. – Макаров решил, что этого достаточно.

– Вы все равно должны немного подождать, – сухо заметил секретарь.

Придется согласиться, решил поручик и, поскольку сесть ему не предложено, отправился осматривать вестибюль. Одна его стена полностью занята встроенными шкапами и добавочными полками, и все это пространство заставлено бутылками различной формы с красочными этикетками с медалями и без. Неужели здесь образцы только одного завода, думает Макаров, или это собрано со всей Франции? В винах он разбирается слабо, его взгляд уже переносится к противоположной стене, увешанной фотографиями. На них, очевидно, важные моменты из заводской жизни: групповые и одиночные снимки представительных лиц, кое-где даже во фраках и с орденами; банкетный зал, где, видимо, какой-то юбилей. Фотографий тоже много, как и бутылок, и они ему скоро наскучили. Клерк смотрит неодобрительно на его расхаживания, по его понятиям посетитель ведет себя недостойно по отношению к такому солидному учреждению. А, начхать, решает поручик, был бы чуть повежливей, я б сидел и не шастал по приемной. Парень готовит кофе, приятный запах заполнил большую комнату. Он тоже с удовольствием выпил бы чашечку, но от этого невежды ясно такого не дождешься. Вдруг Владимир увидел фотографию, которая совершенно не подходила к торжественным фрачно-костюмным снимкам. Она выглядела даже нелепо: мальчик и девочка, сидящие на лошадях на фоне какого-то старинного здания и кусочка моря. На мальчике нет ничего, кроме шортов, а девочка в купеньком ситцевом платьице. Действительно, очень скромно среди фото солидных напыщенных буржуа. Он сделал еще один шаг, чтобы лучше рассмотреть столь странный снимок, и вдруг его сознание получило удар такой силы, что едва устоял на ногах: он узнал и мальчика, и девочку. Мальчик, а это был он сам в юном возрасте, протягивал девочке букет ромашек, а она смеялась, запрокинув голову. Он тоже смеялся и показывал на вывеску над головой лошади. Надпись на ней – отель Бо Риваж, и кусочек моря подтверждали, что снимок сделан в Евпатории. Себя теперь он точно узнал, но о девочке даже боялся подумать, так как запретил себе это навсегда. Мимо проплыл секретарь с подносом, но он остался не замечен Владимиром, для которого сейчас исчезло все: и кофе, и вестибюль, и Геридас. Он даже забыл, где он находится. Клерк открыл дверь, протиснулся внутрь и, опасаясь действий странного клиента, еще чего доброго вломится следом, попытался закрыть ее ногой. Это у него не получилось, дверь осталась на месте, а из кабинета уже прозвучало довольно сердитым тоном: «Ну что ты там возишься, Марат?! Оставь дверь в покое, я заждаюсь уже ...» Поручик двинулся на этот голос, совершенно не отдавая отчета в своих действиях. Он уже на пороге, его рука вытянута навстречу голосу, а голова повернута в обратную сторону, глаза все еще не могут оторваться от снимка, он силится связать голос с изображением. Кажется, это ему уже почти удалось, но там, у стола, чашка с горячим кофе летит на пол, наверное, на ноги Марата, отчего тот дико вскрикнул. Сейчас он поставит поднос и вышвырнет этого наглеца. Но его самого с силой отталкивают в сторону стола, туда же сыплются сахар и печенье.

– Во-ло-дя!!!? – Радостный удивленный крик заполняет всю комнату до краев. А он уже подхватил ее, прижал к себе и закружил по кабинету с такой силой, что испуганный окончательно секретарь едва успел увернуться от каблуков своей начальницы.

– Верочка! – наконец у него прорезался голос, – Верочка! Да откуда же ты? Как ты здесь оказалась? Я тебя столько искал!

– А ты откуда? И я тебя искала! Но мне сказали, что ты в Африке и больше не вернешься.

Они, наконец, остановились, но Верочка не ослабляет мертвой хватки своих рук на его шее. Она прижалась к нему, плачет, повторяя его имя на разные лады, и без конца спрашивает одно и то же: «откуда? откуда? где ты был так долго?»

Все же наступил момент, когда они разжали руки и уселись на диван, не обращая внимания на растерявшегося секретаря. А тот собрал разбросанную посуду и отправился готовить кофе теперь уже и на этого нахального клиента, осмелившегося обниматься с его директрисой. Они уже успокоились немного и обменялись первой информацией, чтобы выяснить, почему они не могли найти друг друга, хотя и пытались это сделать. Все оказалось очень просто. Вера

искала его в тот момент, когда он воевал в Африке, он же, вернувшись в Париж, приступил к поискам, заранее обреченным на провал. Ибо он разыскивал членов семьи Гиршман, той семьи, евпаторийской, которую в столице Франции найти было невозможно: сам Моисей уехал из Парижа, а до этого он выдал дочь замуж, и она сменила фамилию. Хотя был момент, когда они оказались совсем рядом, и ему, для того, чтобы их встреча состоялась, достаточно было проехать еще немножко. Ведь Натан Мендельзон ясно сказал: директор винзавода в Ниме – ваша землячка из Евпатории. Хотите ее навестить? Но он тогда отказался: ему было тогда не до этого, он спасал от краха фирму Дидро. Действительно, все очень просто, но они не виделись долгие пятнадцать лет. Их взволнованный разговор прервал телефонный звонок; Вера подошла к аппарату, и он теперь вспомнил, зачем он здесь. Но вот она переговорила и села рядом.

– Володя, я столько должна тебе рассказать, а ты мне, уверена, еще больше. Но здесь нам этого не позволят. Ты дашь мне один час, я за это время закончу кое-какие дела? А потом мы поедем ко мне домой. Ровно час. Ты можешь сидеть в кабинете, можешь поехать в город, как хочешь. Если нужно, я дам машину.

– Пожалуй, будет лучше, если я подожду тебя здесь. Но мне позарез нужно поговорить по телефону с одним человеком в соседнем городе.

– Сейчас мы это решим, – она нажала кнопку звонка, и тут же появился секретарь с двумя чашками кофе. – Спасибо, Марат, кофе очень кстати. Я отлучусь, а ты соединишь месье Владимира по телефону, с кем он скажет. И позвони мне домой, скажи, что я буду обедать дома через час. Скажешь, что со мной гость! – она чмокнула гостя в щеку и убежала.

Мендельзон сам взял трубку; он сразу узнал Макарова. – Вы так внезапно исчезли, молодой человек, а мы часто вас вспоминали. Особенно Анатоль. Вы знаете, он недавно стал отцом; они подарили мне прекрасную внучку. Теперь он подумывает, как осесть на берегу навсегда, хотя он уже не шкипер, а первый помощник капитана, вот! Вы хотите его услышать? Вы позвонили мне с телефона мадам Жерюмо, я правильно понимаю? Хорошо, я отыщу вашего друга, ждите.

Значит, Вера Гиршман стала Жерюмо, интересно, кто он? Ладно, сегодня станет известно все.

Вскоре раздался звонок, и он услышал знакомый голос. Это Анатоль Геридас, единственный в этом мире человек, благодаря светлой голове и легкой руке которого, Владимир долгое время поддерживал связь с оставшейся в России семьей. Оттуда через грека Андронника ему доставляли редкие весточки. Но все это уже в далеком прошлом.

– Рад вас слышать, дружище! Жаль, что нам никак не удастся встретиться. У меня для вас есть хорошие новости. Наш общий знакомый выходец из Эллады открыл новый канал связи. Он вполне легален и, кажется, вы сумеете к нему присоединиться. Напомните, кто были ваши соседи по Евпатории. Вы помните брата и сестру? Я забыл их имена, мне их называл грек, но довольно давно, кажется, они караимы. Их дом напротив синагоги.

Еще бы он не помнил: Авраам и Семита Кушуль, они не просто знакомы, они участники самого прекраснейшего отрезка человеческой жизни под названием детство. И проходило оно на одной улице и даже в одном дворе под старой раскидистой шелковицей. Он сообщил об этом Геридасу и тот продиктовал ему адрес Авраама.

Теперь следует подумать о завтрашнем дне, и он решил еще раз побеспокоить секретаря.

– Подскажите мне, Марат, уехать отсюда в Бордо большая проблема?

– Нет никакой проблемы, месье, – ответил тот, – если сесть на ночной экспресс. Я могу взять билет прямо сейчас. Так вам будет удобнее, потому что поезд стоит здесь всего несколько минут.

Марат ушел, а Владимир с удовольствием растянулся на предложенном ему диване с целой кипой газет. Он с не меньшим удовольствием прогулялся бы по улицам городка, ибо любое новое место на его пути вызывало неизменно здоровое любопытство исследователя, но

видимо когда-то придется все же вживаться в новую, необычную для него роль разведчика. В нее входило быть незаметным, лишний раз не появляться среди людей, если в этом нет необходимости.

Вернулся Марат с билетом, а вскоре появилась и Вера. Через несколько минут они стояли во дворе особняка, обнесенного живой изгородью; вокруг великолепие цветов, фарфоровые ангелы и даже небольшой фонтан. На лужайке мальчик возился с лопоухим спаниелем. Собака, увидев хозяйку, бросилась к ней, выражая всем своим существом неопишумую радость.

– Дик, прекрати! – отбивалась от него Вера, – не пачкай мне платье. Через минуту подобная участь постигла и поручика. – Наклонитесь к нему, пусть он вас лизнет, – подсказала она гостю, – иначе вы от него не отобьетесь. Наконец, расцеловав прибывших, спаниель умчался вглубь двора. Мальчик подошел к ним и поздоровался.

– Левочка, а где папа? – спросила Вера у мальчугана. Слава Богу, подумал Макаров, раз есть Лева маленький, будем надеяться, что появиться и большой. Но почему она – Жерюмо? Он все еще боялся спросить о Леве, евпаторийском женихе Верочки. Он до сих пор не мог забыть слова, сказанные ею во время их последней встречи в Галлиполи: «Левы не будет! Его никогда не будет! Его расстреляли в Севастополе». И были слезы, и он пытался утешить ее. Теперь он вздохнул с облегчением. Но это длилось совсем недолго. Откуда-то из-за кустов женский голос уточнил: «месье Серж обедать не будет, он уехал в Безье и вернется только к вечеру».

– Хорошо, Милли. Но ты нас покормишь? Мы ужасно проголодались.

– Все готово, мадам. Стол накрыт на террасе, сейчас я подам первое.

Верочка только сейчас поймала удивленный и вопрошающий взгляд Владимира.

– Сергей – это мой муж. А о Леве не беспокойся, он жив, но сложилось все так, что он опоздал. Я до сих пор не знаю, лучше это или хуже, что так все вышло. И никому, я думаю, это не известно. Нам никогда не дано узнать, почему случилось так, а не иначе. Когда он, наконец, появился в Париже, моему сыну, получившему имя в память о моем навсегда пропавшем женихе, шел уже третий год. Признаюсь честно, мне хотелось дать ему твое имя. Я до сих пор не уверена, кого я любила больше, Леву или тебя. Но я почему-то чувствовала, что ты жив, а его, как мне казалось, давно не стало. Я считала вас исчезнувшими из моей жизни навсегда, но потом вы вдруг, извлеченные неведомой могущественной силой, появились один за другим. Сперва Сергей, потом Лева, а теперь вот ты. И все как-то внезапно и совершенно случайно. Хотя мой папа утверждает, что ничего случайного нет. Всегда происходит то, что должно произойти. Вот когда не происходит, то именно это и есть случайность.

Обед закончен, они перешли в беседку у фонтана; здесь прохладно и пьянящий аромат цветов; на столе графин с вином. «Попробуй это вино, – просит его Верочка, – рецепт его приготовления привезен нами из Евпатории и пока что держится в секрете. Это технология дяди Миши, папиного брата. Но оно там, мне кажется, имело совершенно иной аромат. В Крыму ведь совершенно другая земля, да и солнце другое, и виноградники не такие, как здесь, во Франции. И все иное, и уже никогда не вернется, – закончила вдруг Верочка и отвернулась, чтобы скрыть выступившие слезы. Они молчали несколько минут, пока молодая женщина преодолела минутную слабость.

– Мне столько нужно рассказать тебе, Володя, ведь ты для меня самый близкий человек, и так хочется излить все родной душе. У тебя, сколько до поезда? Двенадцать часов? Думаю, уложусь. Налей нам вина и наберись терпения, если я не выскажусь, то, наверное, умру. Пусть это шутка, причем неудачная, но если вспомнить те дни, тогда мне было действительно очень тяжело. Главная причина заключалась в одиночестве; рядом со мной никого не было, если не считать отца, но он был всегда занят и часто куда-то уезжал. Из Галлиполи мы с ним сразу поехали в Болгарию, затем в Словению, к братьям славянам. Принимали они нас действительно по-братски, но жить там было очень трудно: все вокруг разорено войной. Посетили Боснию

и Сербию, и везде искали тебя и Леву. Папины знакомые звали его в Вену, она была рядом, но он отказался.

– Немцы – это народ, от которого мы должны, дочка, держаться подальше.

– Но Вена, это ведь Австрия, – возразила я ему.

– Все они одинаковые, – сердился отец, – подальше! как можно подальше! – И мы перебрались в Швейцарию, жить там было намного легче, тем более, что папа все свои деньги перевел туда еще в шестнадцатом году. Но я не желала оставаться в Швейцарии, где за довольно долгий срок не встретила ни одного знакомого человека. Я хотела в Париж, так как слышала: большинство наших беженцев уже осели в этом благословенном городе. Отец долго упорствовал, однако он понял, что переубедить меня не удастся, и сдался. Мы переехали в Париж и поселились в самом его центре. Отец сразу же объявил мне ультиматум.

– Видишь, Верочка, я сделал все так, как ты просила. Но сам я не желаю жить в этом городе, он слишком шумен для меня. Больше, чем полгода, я здесь не выдержу, поэтому будем считать этот срок контрольным. За это время ты должна найти себе жениха. Сыграем свадьбу, и я уеду в такое место, где смогу тихо и спокойно доживать свои дни. И пусть их будет много, чтобы я смог порадоваться на своих внуков. Но сделаю это лишь после того, как буду уверен, что твоя судьба устроена надлежащим образом. Но не вздумай со мной играть. Если за полгода ты никого не подберешь, тебе придется согласиться на ту кандидатуру, какую сочту достойной я сам. Надеюсь, ты все поняла, доченька.

– Конечно, папочка! Я думаю, что мне не стоит даже сильно напрягаться, лучше положиться на твой вкус. Единственное, чего бы мне хотелось, так чтобы кандидатов от тебя было не менее трех. Должна же я иметь хотя бы право выбора, правда?

– Не пытайся ехидничать, я говорю с тобой совершенно серьезно. Я соглашусь на любую твою кандидатуру, естественно, кроме президента, и обещаю все уладить.

– А если я захочу премьера, папуля, что тогда? Премьера можно? – поинтересовалась я.

– Тебе все можно, но смотри, не доиграйся до дворника, – тут папа изобразил суровость. – Не мне тебя учить, что самое главное – моральные качества будущего супруга. Не нарваться на негодяя – вот проблема! Но я уверен, что ты уже достаточно взрослая и умная, и разберешься в этом без меня. То, что ты не смогла отыскать своих бывших женихов, может быть даже к лучшему. Только ты не сердись на меня и не считай ханжой, но надежной опорой для женщины здесь может стать только француз. Хотя эта нация, на мой взгляд, крайне легкомысленная, но даже среди них встречаются деловые люди. И дело здесь вовсе не в деньгах, их будет у тебя достаточно и так, здесь важна психологическая устойчивость. А наши русские эмигранты, особенно офицеры, в большинстве своем неврастеники. Да, да! не смотри на меня так! пусть все это в легкой форме, но неизвестно, что еще у них там, впереди. Чаще всего это душевный надрыв, еще оттуда, с войны, и избавиться от него просто так невозможно.

Отцу каким-то образом удалось отыскать людей, знавших его двоюродного брата Михаила; тот занимался виноделием в Крыму и неоднократно навещал своих французских коллег. Через них Верочка была введена в высшее аристократическое общество, сперва в его женскую половину, где она, благодаря прирожденной общительности и обаятельности, довольно быстро была принята за свою. Не могла она быть не замеченной также и мужской главной частью парижского бомонда. Однажды она оказалась на вечеринке, в которой принимал участие Антуан Жерюмо, сын богатого винопромышленника и торговца. Антуан не просто участвовал в подобных увеселениях, обычно он там верховодил. Почти двухметровый красавец-брюнет, про таких почему-то говорят – жгучий; художник, спортсмен, остроумный весельчак, кутила, правда умеренный, и ловелас, тут уж крайне неумеренный. Он сразу заметил Верочку, тут же заключил с друзьями пари: через неделю она будет моя! и ринулся в атаку. Но прошла неделя, затем вторая, а крепость устояла. Он проиграл пари и отступился, и решил забыть о капризной русской красавице, благо своих французских было предостаточно. Ему было, конечно же,

невдомек, что девушке стало известно о пари и что это всего лишь ее защита, а сам он Верочке понравился. Но она решила подождать, нельзя ведь так сразу, тем более, еще не закончился даже первый месяц из шести, назначенных отцом. После этого Антуан куда-то исчез, и она о нем почти забыла, поскольку всякий раз ее вводили в новую компанию, где знакомили с новыми людьми. Время летело незаметно. Незаметно потому, что жизнь ее стала похожей на какой-то бесконечный праздник: танцевальные вечеринки, ужины в дорогих ресторанах и кафе, пикники на природе, театры, мюзиклы и кабаре, подарки и цветы, которые Вера получала постоянно в изобилии. И везде молодые люди, в основном очень состоятельные, с дорогими машинами и в модных костюмах. Но все это ее особо не прельщало; она пока не сделала свой выбор, ее взгляд не задержался ни на одном кандидате: она считала такой подход к выбору будущего супруга несерьезным. В ее девичьей памяти все еще стоят перед глазами долгие ухаживания, свидания, признания и объяснения в любви, записки и прочие прелести. Словом все, что предшествовало заветным словам: «умоляю стать моей женой, или я прошу руки вашей дочери». По-другому она не могла, и теперь не собиралась менять эти правила, унаследованные когда-то от своих евпаторийских подружек, вышедших замуж на ее глазах. Но старый Моисей рассуждал совершенно иначе, о чем не замедлил ей высказать.

– Дитя мое! То, о чем ты говоришь, этого давно нет даже в нашей отсталой России – война и революция все это отменили. А ты сейчас в Европе, здесь подавно все делается очень быстро. Но твое время кончилось, ты ведь помнишь, как мы договаривались? Полгода, если ты никого не найдешь, тогда мой ход. Три дня назад было как раз полгода. Будь готова, послезавтра мы едем с тобой на смотрины, я тебе такого красавца отыскал, ты даже не представляешь! С его отцом уже все договорено; он попросил у меня два дня, чтобы уговорить своего отпрыска.

Через день отец на такси отвез меня в район Булонского леса; слуга в ливрее провел нас по шикарной «а ля Версаль» лестнице в роскошные апартаменты, и меня усадили рядом с моим будущим супругом. Этим красивым молодым человеком оказался Антуан Жерюмо. Единственное, на что у нас обоих хватило ума, так это прикинуться, что мы прежде не были знакомы. Через месяц Антуан сделал мне предложение, и мне тогда казалось, что я уже хорошо его узнала.

– Володя, я решила, что это судьба и безропотно согласилась. Мы долго были помолвлены, и, наконец, сыграли громкую свадьбу. Нам подарили дом почти в самом центре Парижа, отдельно мне прекрасный автомобиль, а Антуану – завод марочных вин в столичном пригороде. Он только что окончил технологический институт и через неделю вступил в должность директора.

– А как же свадебное путешествие? – поинтересовался поручик.

– Его просто не было. Я отказалась категорически; после тех скитаний, что выпали на нашу с отцом долю, сама мысль ехать куда-нибудь далеко казалась невыносимой. Итак, Антуан отправился на завод, а мне выпала роль домашней хозяйки. Но в доме было полно прислуги и никакого хозяйства, если не считать собаки. Отец, сочтя меня надежно пристроенной, уехал в городок Сен-Жиль, где поселился на самом берегу моря; думаю, что это напомнило ему нашу незабвенную Евпаторию. А я уже через неделю заскучала, так как привыкла все время что-нибудь делать своими руками, а не прислуги. Я принялась уговаривать мужа взять меня на завод на любую самую простую должность, но получила категорический отказ: у них так не положено, жена директора не должна опускаться до положения работницы, это дурной тон. Мне совершенно не хотелось с этим мириться, ибо я теперь оказалась в полной изоляции от всего мира. Антуан утром уходил на работу, и я оставалась совершенно одна. Мне даже поговорить было не с кем; как во время кризиса, так и после, все разговоры француженок сводились к ценам на продукты и как одеться красиво и в то же время не дорого. Я, конечно, могла найти себе работу в другом месте, скажем в магазине или какой-нибудь конторе, но мне хотелось именно на винный завод. Ты ведь помнишь, что я проводила у дяди Миши все свободное

время, а во время летних каникул подрабатывала в лаборатории и многому научилась. Дяде Мише очень понравилось мое желание стать винокуром, и он приложил много усилий, чтобы сделать из меня настоящего специалиста. Его уроки не прошли даром, через три года практики у столь прекрасного педагога я разбиралась во многих вопросах виноделия. Уже в Париже, во время моей «охоты за женихами», я записалась в техническую библиотеку и перечитала все или почти все, что нашла там о французских технологиях. Теперь это мне не терпелось опробовать на практике, на заводе моего супруга. Мне хотелось помочь ему, но мое желание встретило почему-то упорное противодействие и его самого, и его помощников всех рангов. Это становилось тем более непонятным, поскольку в первые же недели Вера почувствовала, что у Антуана не все получается. Он возвращался с работы расстроенный, подолгу решал какие-то вопросы по телефону, причем с руганью, что никак не подходило его уравновешенному спокойному характеру. И однажды он прямо признался ей, что директорство оказалось намного сложнее, чем он представлял. Но он категорически отказался выписать ей пропуск на территорию завода, несмотря на ее мольбы. Она уже пыталась пройти туда без документа, но ее не пропустили. «Это хорошо, что вы его супруга, – сказал толстый усатый вахтер, – я рад за нашего директора – у него такая красивая жена. Но мне нужен пропуск». Поскольку гордость не позволила мне признаться, что я кое-что смыслю в виноделии, то пришлось смириться. А вдруг я все же ошибаюсь, и во Франции совершенно иные технологии?

Единственным развлечением теперь для меня стал мой автомобиль; благодаря поездкам я потихоньку познавала этот прекрасный город и меньше скучала. Но меня крайне не устраивал мой водитель; это был француз, в такой степени неразговорчивый и скучный, что мне стало совсем невозможно. И еще он ни за что не соглашался дать мне руль. «Вначале вы должны окончить курсы и принести мне удостоверение, тогда другое дело». Я попросила Антуана заменить его, а он мне ответил, что это пока невозможно: машин выпускают больше, чем готовят водителей, потому они, водители, большой дефицит. Но, чтобы хоть как-то меня утешить, мой супруг пообещал выделять своего, бывает, он ему не нужен целыми днями. Теперь за руль моей машины два-три раза в неделю садился шофер Антуана. Многие русские эмигранты в ту пору стали шоферами. Серж, так звали водителя, довольно быстро разобрался в причинах моей тоски. Он тут же начал обучать меня вождению, для чего мы забирались подальше за окраину. И еще мы стали посещать с ним те места, где проживали русские. Грусти моей теперь как не бывало, на смену ей пришло душевное равновесие и хорошее настроение. Лицо Сержа напоминало мне чье-то, кажется, человека, спасшего меня от пьяных офицеров в Константинополе, вскоре после нашего прибытия на турецкую землю. Я спросила его, не был ли он в двадцатом в тех краях, он ответил отрицательно, хотя я, почему-то не очень в это поверила. В то же время я почувствовала каким-то невероятным образом, что рядом со мной человек, которому можно довериться. Я рассказала ему все о себе и о моем заветном желании попасть на завод в любом качестве.

– Я попытаюсь узнать, как вам помочь, хотя возможности мои почти нулевые. Но пока что попробуйте одеться попроще и посидеть в кафе рядом с заводом.

Я целых три дня выполняла его совет, и результат сразил меня совершенно. В кафе в обеденный перерыв забегали перекусить рабочие; за их нехитрой трапезой только и слышно было о заводских делах. Володя, я ужаснулась. Не вдаваясь в подробности, скажу, все в один голос утверждали: предприятием руководят чужие люди, скорее всего враждебные к нашему директору, а его самого полностью отстранили от руководства. И это все плохо кончится.

Это подтверждало мои неясные прежде подозрения, и я поделилась ими с Сержем.

– Я тоже об этом догадывался, – признался он, – хотя на первый взгляд все выглядит благополучно. Завтра оденьтесь, как подобает жене шефа, попытаемся попасть внутрь вашего завода.

Утром мой автомобиль настойчиво просигналил перед воротами. Вышедший охранник узнал водителя директора, теперь он вопросительно взирал на меня.

– Это жена нашего директора. Ты что, не узнал ее? – спросил Серж.

– Узнал, – кивнул тот, хотя я была уверена – видит он меня впервые. – А почему не через проходную?

– Ты хочешь сказать, что мадам Жерюмо будет идти через весь двор в лабораторию?!

Страж сдался и открыл ворота. «Не забудьте, напомнил мне Серж, вам нужен главный технолог Ревиньон. Авто я оставлю у входа в заводское кафе. Идите смело и никого не бойтесь».

Технолога в лаборатории не оказалось; мне подсказали, где его искать. Месье Ревиньон, высокий худощавый мужчина лет пятидесяти, стоял посреди цеха хранения вина и задумчиво смотрел куда-то в потолок. На подошедшую Веру он не обратил никакого внимания.

– Ну, долго вы там? – поинтересовался технолог у кого-то наверху. Вскоре по лестнице спустился человек в халате и подал ему ленту самописца. Она тоже заглянула в ленту.

– Ого! Это уже опасно, не так ли? – вырвалось у нее. Ревиньон впервые взглянул на Веру.

– А вы кто? Вы в этом что-нибудь понимаете? – он обратил на женщину недовольный взгляд, но вдруг тон его голоса переменялся. – Простите, я вас сразу не узнал! Вы ведь жена Антуана, не так ли? Простите еще раз. Я Симон Ревиньон, кстати, крестник вашего мужа. И еще я был на вашей свадьбе. Как хорошо, что вы пришли, мне нужно с вами поговорить. Но не здесь, вокруг полно народа. Давайте уйдем отсюда. Где ваш автомобиль?

Через пять минут они сидели в авто. Ревиньон вкратце изложил ей суть последних событий.

– Первое время, как только Антуан сел в кресло директора, все шло хорошо. Иначе и не могло быть: его окружали старые проверенные кадры. Но вся эта работа не для него, мадам Вера. Не для него лишь потому, что он художник. Никто об этом не задумался, и в первую очередь, его отец. Марк забыл, не может быть, чтобы он не знал, нет, он просто забыл, что из художника очень трудно, а порой невозможно сделать чиновника. Антуан через полгода начал тяготиться своей должностью, хотя сразу это не очень бросалось в глаза. Он как-то заглянул ко мне в кабинет, и в разговоре, как бы вскользь, спросил у меня, как быть, если ему эта директорская ноша совершенно надоела.

– Эта рутинная, дядя Симон, которой совершенно не видно конца, она меня просто заедает. Каждый день я должен что-то подписывать, что-то разрешать, что-то запрещать. Я устал. Нельзя ли как-то по-другому?

– А почему же нет. Возьмите себе заместителя специально для текущей, себе оставьте только финансы. Хотите, я вам подберу кого-нибудь из опытных хозяйственников? – предложил я.

Он задумчиво постоял полминуты, и вышел, не сказав ни слова. Я принялся уже искать кандидата на замдиректора, как всех нас познакомили с его новым заместителем. Это был некто Фронташе, его бывший однокурсник по институту и вообще давний приятель. Месяц-два обстановка была спокойной, но по мере того, как наш директор удалялся от управления, его заместитель все больше обострял отношения с главными управленцами, вынуждая их покидать свои должности, а на их месте стали появляться люди Фронташе. Я апеллировал к Антуану, но он не стал меня слушать, заявив, что все делается для пользы дела. Мне пришлось позвонить Жерюмо старшему, тот не замедлил явиться, но я сам, как назло, заболел непонятно чем и не смог встретиться с Марком. Уж я бы ему все объяснил. А так я оказался на больничной койке, мой старый товарищ почему-то ко мне не заглянул, а его самого Фронташе и его помощники ввели в заблуждение насчет истинного положения дел.

– Пойдите, месье Симон, я помню этот случай. Отец Антуана собирался вас навестить, но нам сказали, что вас нет в Париже, что вы где-то в санатории. А где, неизвестно, – сказала Вера.

– Теперь мне все понятно. И моя болезнь, и информация о санатории – это все было хитро подстроено, так как я лечился дома. После того, как Марк Жерюмо уехал без последствий для этого гнусного человека, ваш завод полностью перешел в его руки. Да будет вам известно, мадам Вера, ваш супруг вовсе не руководит заводом, он на нем просто не появляется.

– Что же нам делать? Чего собственно добивается этот Фронташе?

– Можно, я сразу отвечу на вторую половину вопроса? Я уже навел справки об этом шустром малом, об этом проходимце Фронташе. Он до сих пор работал на заводе Теннисона, нашего главного конкурента на рынке вина. И даже, поговаривают, что он его внебрачный сын, но не это главное. Люди, пришедшие вместе с Фронташе, уже заняли ключевые посты в технологическом отделе и в лаборатории. Заметьте, Вера, они осели там, где решаются основные вопросы качества продукции. Все они грамотные и опытные специалисты, и теперь они руками наших же рабочих, которые еще остались, без особого труда пустят в продажу вино нашего предприятия, но совершенно другого качества. Намного хуже прежнего, и мы тут же потеряем рынок.

– Но, на месте есть вы, главный технолог, – возразила я, – вы ведь не допустите этого, я в этом совершенно уверена.

– Меня уже нет! Вернее, я есть, но уже не главный технолог. С завтрашнего дня я заведующий отделом реализации. И даже не смогу свободно входить в цех, где идет выдержка вин; меня просто туда не пустят. Сегодня я воочию увидел, как тонко и ловко идет подделка, в результате ее качественное марочное вино превратится в заурядное пойло, и тогда придет конец торговой марке «Дионисий», а ее место на рынке тут же займет Теннисон. Но не будем окончательно терять присутствие духа, ибо потеря его уже есть поражение. А ваше появление на этом ринге следует расценивать как предвестник победы. Судя по тому, что вы запросто прочли показание самописца, вы в этом что-то смыслите. Скажите, вы знакомы с виноделием? Где вы учились?

– На винном заводе своего дядюшки. Но это, наверное, нельзя назвать учебой. Это, скорее всего, была практика, но длилась она целых три года.

– Дитя мое! – вскричал бывший главный технолог, – три года практики – это намного больше, чем учеба! Я всегда снимал, и буду снимать шляпу перед практиками, ибо их мастерство от них самих и от Бога! И где же это происходило? На какой земле, если не секрет?

– В Крыму, в Евпатории, – ответила Вера. Эти два слова ужасно воодушевили Ревиньона.

– Крым! Лев Голицын! Величайший винодел, положивший на лопатки всех мастеров вина Франции и всей Европы. Да что там Европы – мира! Его шампанское и его шипучие вина превзошли все ранее созданное. Иметь на собственных плантациях пятьсот сортов винограда! Собрать коллекцию вин с семнадцатого века и до наших дней в пятьдесят тысяч бутылок и сохранить их в пещере мог только гениальный человек. И Лев воистину был гением. Ладно, простите меня, Вера, я отвлекся от главного. Теперь, поскольку я узнал о вашей причастности к столь великой профессии винодела, я отвечу на ваш второй вопрос – что нам делать. Ответ прост – сражаться и победить! Хотя победить будет сложно, чрезвычайно сложно. Щупальца Фронташе уже запущены в самые важные органы предприятия, но мы попытаемся сразу же отсечь главную. Вы не знаете, где проводит время ваш супруг, когда его нет на заводе?

– Понятия не имею. Я считала, что он в своем кабинете, как обычно, – ответила Вера, и тут же подумала о Серже. Ему, наверняка, это известно. Но он что-то говорил о ключах, которых он ей оставит. Она заглянула в перчаточный ящик; ключи, действительно были там, а рядом записка.

«Простите меня, но я должен исчезнуть. За то, что я помог вам попасть на завод, меня, наверное, уволят. Прощайте, Серж. P.S. Заберите А. бульвар Сен-Марсель 231».

Вера прочла записку и протянула ее Ревиньону, читайте. Эге, подумал Симон, похоже, что об Антуане вспомнили в последний момент. Это хорошо, что вообще вспомнили. Но зато теперь у нас есть адрес. А вслух сказал, чтобы утешить погрузневшую вдруг женщину: молодые люди всегда говорят, прощайте, когда собираются вернуться ровно через пять минут. А о том, что его уволят, Серж сообразил правильно. Фронташе и его команда тщательно следила, чтобы не допустить вас на завод, это для них было слишком опасно. В отличие от всех остальных Фронташе, наверное, был каким-то образом осведомлен о вашей тайной пристрасти к винокурению, и рассматривал вас как вполне вероятного противника. Поэтому сейчас нам следует действовать очень быстро, иначе нас опередят. Вы сама водите автомашину? Прекрасно. Поехали сейчас же на этот Сен-Марсель, это где-то у Итальянской площади.

Когда они отыскивали нужный дом, оказалось, что под его крышей расположено казино.

– Слух о том, что ваш супруг увлекся рулеткой, имел место, но я лично в это не верил. Я с детства знаю Антуана, он никогда не играл ни в какие азартные игры. Не исключено, что его в это втянули. Намеренно. Ладно, я схожу, посмотрю, а вы посидите в машине, я мигом.

На самом деле отсутствовал Симон довольно долго, поэтому ему пришлось извиниться

– Простите меня, Вера! я виноват! Мне пришлось дожидаться, пока они сыграют. Но, думаю, нам сегодня везет. Ваш супруг выиграл и сейчас наша с вами задача перехватить его и завлечь домой. Во что бы то ни стало. Я расспросил официантов, обычно многие игроки, после выигрыша или проигрыша, неважно, спускаются в бар. Мы должны встретить Антуана, прежде чем он там усядется с каким-нибудь собутыльником, и при этом изобразить, что все это случайно.

Это им удалось; очевидно, им действительно везло. Когда они вошли в холл, он только получил выигрыш и спускался вниз. Ревиньон распростер свои длинные руки навстречу Антуану. Тот по-настоящему удивлен.

– Месье Ревиньон!? Вот уж не ожидал! Какими судьбами?

– Месье? Ты говоришь мне месье? – технолог театрально опустил руки.

– О, извини, дядя Симон! как я рад тебя видеть! О, ты еще и Верочку привез с собой! Дай я обниму тебя, дорогая. А по какому случаю вы здесь?

Они сказали ему, что искали магазин и ошиблись, но Жерюмо их не слушал.

– Это чудесно, что вы появились именно сейчас, и случай у нас превосходный! Я только что выиграл и приглашаю в ресторан. Немедленно! Это нужно отметить. Куда едем? Я вижу, вы на машине. Отлично. Так куда? В Максим?

– Антуан, поехали лучше домой. Там и отметим в семейном кругу. И дядя Симон за это.

– Тем более, что у тебя, я знаю, всегда есть прекрасный коньяк. Да и вина отличные, – поддержал Веру Ревиньон, – едем к тебе, тем более, что я давненько у вас не был.

Но Жерюмо стоял на своем: хочу в ресторан, и все. Нужно отметить мою победу по-настоящему, иначе выигрыш перестанет идти. Тогда Вера привлекла новые аргументы: милый, взгляни на меня, мой туалет совершенно не подходит для публики. Давай заедем домой, я, хотя надену вечернее платье. – Нет, ты прекрасна и в этом платье, – стоял муж на своем, – скажи, Симон. Но Симон не поддержал его, и они поехали домой. По приезду Вера отправила супруга в душ: ты тоже надень вечерний костюм, милый. Тем временем они заказали ужин с доставкой на дом и разработали некий план. Когда Антуан вышел, наконец, уже в вечернем костюме, оказалось, что супруга еще не готова. Но в гостиной их поджидал стол, уставленный бутылками и закусками.

– Давай посидим, пока появится Вера, – предложил Ревиньон, – мне кажется, нам давно следует поговорить. У нас очень много проблем в последнее время.

– Хорошо, я согласен. Что будем пить? Только знаешь, дядя Симон, давай не будем о работе. Я давно от этого всего отошел. Мой заместитель неплохо справляется со всеми делами, вот и все. Тем более, что у нас есть такой приятный повод – мой выигрыш.

– Ладно, давай поговорим о рулетке. Что-то я не помню, чтобы ты, мой мальчик, прежде этим увлекался. Вот скажи мне, зачем ты играешь? тебе что, денег не хватает? – спросил Симон.

– Денег у меня достаточно, но ведь это совершенно другое. Здесь азарт, здесь риск, все это заполнено радостью или горечью, а это эмоции, они гонят от нас скуку и серость обыденной жизни

– Согласен с тобой, это интересно. – Заметил технолог, – но как ты додумался, расскажи.

Он наполнил рюмки и приготовился слушать; Антуан за вином разговорился, и вскоре картина его падения и роль в ней Фронташе была предельно ясна для Ревиньона. Теперь он попытался осторожно повернуть разговор в нужное для него русло.

– Все это хорошо, мой друг, но из-за своего нового увлечения ты полностью отстранился от управления заводом. Ты слишком доверился своему другу, который, скажу тебе по секрету, ведет за твоей спиной какую-то непонятную игру. Скорее всего, в пользу своего отчима Теннисона. Уволенные вами работники уже работают в его цехах, а это были наши лучшие специалисты. Тебе известно, что и меня тоже убирают с завтрашнего дня? А знаешь ли ты о том, что на наш банковский счет уже почему-то перестали поступать деньги от выручки?

– Подожди, дядя Симон! Ты слишком много наговорил, но я тебе отвечу по порядку. Деньги поступают на наш новый резервный фонд. Мы затеваем грандиозную реконструкцию нашего предприятия, и этот фонд создан именно для нее. Тот самый Фронташе, о котором ты почему-то столь плохо отзываешься, выделил крупную сумму под мизерный процент для этих же целей. А тебя никто не собирается увольнять, я этого не позволю. Ты ведь сам сказал моему заму, что тебе с возрастом трудно уже бегать по цехам, и он присмотрел для тебя отдел реализации. Та же зарплата, но работы меньше и она спокойнее. Сейчас я предлагаю выпить за твою новую должность, – заканчивает свое пылкое выступление Антуан и наполняет уже в который раз рюмки. Ревиньон помнит, что он никому не жаловался на здоровье – это очередная ложь его зама. Еще он с горечью в душе отмечает непреложный факт: бывший трезвенник пристрастился к спиртному. И об этом же ему только что рассказала Вера. Значит, молодой человек настолько уже погряз в этих страшных пороках – пьянстве и рулетке, что если не принять срочные меры, дело для него может закончиться крайне печально. Но самое опасное сейчас – это Фронташе; раз он уже вложил деньги в наше дело, значит, мы близки к катастрофе. Конечно, если бы не заболел, как назло, отец Антуана, во всем этом не было бы ничего опасного. Сейчас сюда бы явился Марк и все расставил на свои места. Но у старшего Жерюмо большая проблема с сердцем, и он лежит сегодня в швейцарской клинике. Симон недавно проведал своего старого друга; врач сразу же предупредил: никаких сенсаций, никаких тревожных новостей – любое волнение для больного смертельно опасно. Рассчитывать им теперь лишь на свои собственные силы.

Появилась хозяйка, на ней новое платье с легкомысленным декольте и открывающее снизу не только ноги, но даже слегка и бедра. Такие платья только начинают входить в парижскую моду; говорят, она пришла к нам из Голливуда. Верочка в нем обворожительна; Антуан не удержался, вскочил и бросился к ней навстречу.

– Это именно то платье, что ты хотела надеть в ресторан? – он схватил жену за руки. – Очаровательно! Дядя Симон, собирайтесь! Едем в Максим, пусть все увидят мою красавицу жену. – В его взгляде восхищение. – Вера! Твое платье настоящий подарок для меня!

– Ну, не такой уж это и подарок, платье. Я приготовила для тебя настоящий сюрприз! – и она протянула мужу белый листок. – Вот, я достала для тебя приглашительный билет на выставку художников импрессионистов.

– Да ты и впрямь волшебница! Я увижу картины Моне, Ренуара, Пикассо! И где она состоится и когда? – он прочел адрес. – Лондон, Трафальгар-сквер, Национальная галерея. Послезавтра. Чудесно, завтра вечером я вылетаю. Пойду, позвоню своему заместителю.

Антуан вышел, а Ревиньон вопросительно взглянул на Веру.

– Пусть попытается, я выключила телефон. А билет этот, вернее их два, для меня есть тоже, прислали три дня назад, – сказала она, – я только сейчас вспомнила.

– И очень кстати. – Симон погрузился в глубокое раздумье на целую минуту, затем перевел просветлевший взгляд на молодую женщину. – Теперь попробуем использовать ситуацию в нашу пользу. Я постараюсь уговорить его уехать раньше, чтобы никто не знал, куда исчез директор. Сейчас едем в ресторан, а дальше во всем положишься на меня.

Они вызвали водителя и отправились в ресторан. По дороге Ревиньон попросил высадить его возле какой-то адвокатской конторы; несмотря на поздний час, в ее окнах светило.

– Антуан, делай заказ, я полагаюсь на твой вкус, – сказал Симон, – обещаю, буду через полчаса. Он сдержал свое слово; ужин прошел очень весело, у всех было приподнятое настроение. – Но давайте не будем засиживаться допоздна, – предложил Симон, – завтра очень много работы.

И в самом деле, утром Ревиньон в семь утра звонил у парадного входа, так как телефон по-прежнему не работал. Вера еще не выходила из ванной, а Антуан только уселся завтракать и был явно удивлен столь раннему визиту. – Что-нибудь случилось, дядя Симон? – поинтересовался он.

– Пока ничего, но через два часа твой поезд, – ответил Ревиньон.

– Какой поезд? Я и не собирался ехать поездом, меня больше устраивает самолет.

– А ты слышал сегодняшней прогноз погоды? Нет, не у нас, а у англичан? Нет? Так вот, не зря ведь их страну называют туманным Альбионом. Вылетишь, а сядешь где-нибудь в Брюсселе. А так я взял тебе билет до Кале, через пролив можешь и перелететь, это рядом, и самолеты местной авиалинии у них через каждые полчаса. Зато в мягком купе хорошо выспишься.

Антуану не хочется в столь ранний час выходить из дому, но последнее слово – выспишься – склоняет его к капитуляции; после вчерашнего ресторана неплохо бы и поспать. Но он не дозвонился до Фронташе. Как быть? Может, заехать в контору до поезда?

– Можно, – соглашается Симон, – но намного проще написать для него записку, я ему передам. А пока подпиши вот это. – И он протягивает Жерюмо несколько листов. – Это приказы о твоей командировке и о замещительстве.

Антуан подписывает одну бумагу, но на второй останавливает свой рассеянный взгляд.

– А это зачем? У меня есть заместитель, пускай он и остается за меня. Причем здесь Вера?

– Фронташе твой заместитель, это верно. Так же, как и то, что он не имеет права оставаться за директора. Этого нет в приказе о его назначении на должность заместителя.

Антуан снова хотел возразить, но умолк; вошла супруга и спросила, о чем они спорят.

– Да ни о чем, – отвечает Ревиньон, – Антуан не желает оставить тебя за директора на эти пять дней. Хотя это ведь простая формальность. Пусть, конечно, продолжает командовать всем Фронташе, но приказ на него будет недействителен. А жена вполне имеет право заменить супруга, тем более, если она винодел. Я повторяю – это формальность, но ее следует соблюсти.

– Я и не собираюсь торчать на выставке целых пять дней, – бормочет Антуан, подписывая приказ, – чтобы насладиться великими художниками, достаточно несколько часов.

– Вот и хорошо. Теперь я отвезу тебя на вокзал, – подвел итог Симон. – А ты, Вера, подожди меня здесь, я быстро вернусь.

Но вернуться быстро у Ревиньона не получилось. С вокзала он заехал еще в меблированные дома на улице Молинеж, где отыскал некую Изабеллу Рош. Когда-то девушка работала в заводской конторе и дружила с младшим Жерюмо, даже поговаривали, что у них был роман.

Но это было очень давно, когда Антуан был еще холост. Недавно она попала под сокращение, поэтому встретила главного технолога с неприязненным выражением лица.

– Ты напрасно на меня сердись, девочка, – улыбнулся ей Симон, – возможно, я здесь, чтобы исправить чью-то ошибку. Ты лучше мне скажи, только честно, какие у вас в настоящий момент отношения с молодым директором?

– Да никаких отношений, мы просто остались с ним друзьями. А что, случилось что-то? – ответила Изабелла, взглянув на собеседника с оттенком некоторой тревоги

– Ничего не случилось, – ответил Симон и подумал, что при таком раскладе, если они остались всего лишь друзьями, то ничего и не случится. Хотя он понимал, что явно рискует, но другого варианта у него просто нет.

– Изабелла, сегодня Антуан отправился в Лондон на выставку картин. Нам бы очень хотелось, чтобы он пробыл на ней до конца, от начала и до закрытия. За последнее время, что-то нервишки у него не в порядке, а выставка для художника – это лучший отдых. Вот и появилась у меня мысль: хорошо, если бы кто-нибудь за этим присмотрел. Чтобы он не сорвался оттуда на второй день. А кто это сможет сделать лучше тебя?

– Думаю, что никто. Тем более, что я никогда раньше не была в Лондоне. Но я надеюсь, месье Ревиньон, что за всем этим нет никакого криминала?

– Изабелла! Как ты могла такое подумать?! – Лицо Ревиньона тотчас изобразило искреннее возмущение. – Какой криминал! Вот тебе пригласительный билет на выставку и тысяча франков, чтобы ты ни в чем не нуждалась. Полетишь самолетом, прибудешь туда раньше Антуана, и там обязательно разыграешь случайную встречу. Ты же понимаешь, что он ни о чем не должен догадаться. Если не справишься, тогда эти деньги я вычту из твоей зарплаты.

– Как? Разве я еще смогу вернуться на прежнее место работы? – рассмеялась девушка.

– Вернешься, Изабелла, вернешься. Я тебе обещаю. Разумеется, если выполнишь мое поручение.

Веры дома уже не оказалось, и Ревиньон отправился на завод. Он торопился изо всех сил; где-то в глубине души поселилось предчувствие чего-то тревожного и неприятного. На площадке у доски приказов стояли несколько человек; он заглянул через их головы с высоты своего роста. Рядом с приказом «о назначении на должность директора», висел второй, где после слов:

«приступаю к исполнению обязанностей», значилось: «своим заместителем назначаю главного технолога Ревиньона Симона». И еще приказ, отменяющий предыдущие увольнения и сокращения.

«Вот так Верочка!» – с восхищением подумал теперь уже настоящий главный технолог и помчался, перешагивая через ступеньку, наверх, откуда доносился разговор на повышенных тонах. Посреди приемной стоял покрасневший от злости Фронташе и орал, захлебываясь от душившей его злобы, на побледневшую, но сохраняющую внешнее спокойствие Верочку. Симон незамедлительно встал между ними и поднял руку над головой.

– Прекратите сию минуту кричать на женщину, – произнес он твердым голосом. – Тем более, на директора. Вас здесь никто не задерживает, вы можете уйти, и все.

– Это мы еще посмотрим, кто отсюда уйдет! – снова взревел Фронташе – Вы уберетесь отсюда через два часа – это я вам обещаю, – крикнул он уже с порога и хлопнул дверью так, что с потолка явно что-то посыпалось.

– Ну как мои первые шаги? – поинтересовалась улыбающаяся мадам Жерюмо.

– Превосходно! Я даже не ожидал и мчался сюда перепуганный, но теперь вижу: мои опасения были напрасны. И по какому же поводу так истошно орал этот негодяй?

Вера сделала жест рукой, и только теперь Ревиньон увидел белую бумажную полосу с печатью на двери кабинета бывшего зама директора. Оказывается, его не пустили в кабинет.

– Сильный ход! Думаю, в ящиках его стола мы найдем много интересного. Я сейчас же отправлюсь в полицейский участок, попрошу у них поддержки. А вы, госпожа, куда сейчас?

– А я отправлюсь в наш банк, попытаюсь выяснить, насколько плохи наши дела, – ответила Вера. – Думаю, остаток дня пройдет спокойно, пока Фронташе будет искать моего мужа. Ему ведь придется осмотреть все парижские казино, а их, наверное, предостаточно.

– Казино в столице очень много. Будем надеяться, что Фронташе и недели не хватит, – засмеялся Симон. – А мы же постараемся уложиться в этот срок и решить основные наши проблемы.

– Да, было бы неплохо. Но я боюсь, дядя Симон, что Антуан в Лондоне так долго не задержится. А если он вернется раньше и встретится с Фронташе, то тогда все пропало!

– Будем надеяться на силу искусства, – успокаивает ее технолог, – а также на нашу удачу. «А еще также и на Изабеллу, – подумал он уже про себя. Как хорошо, что я о ней вовремя вспомнил, теперь этот негодяй Фронташе беспомощен, а у нас развязаны руки. Нет, Верочка молодец. Ну, да и я ведь тоже молодец, решил он похвалить и самого себя.

Утром Ревиньон появился на заводе пораньше, намереваясь посвятить все свое время производственным вопросам. Но через час его вызвали к директору. Обнаружено, что печать на кабинете Фронташе сорвана.

– Не стоит особо переживать по этому поводу. Я вчера в присутствии полицейского чиновника изъял все документы в портфель. Мы его опечатали и поместили в банковскую ячейку, вот шифр, поместите его в свой сейф. Я виноват, госпожа директор, но я не успел вчера вам об этом доложить. Но думаю, что нам на всех входных дверях следует поменять замки, иначе подобных сюрпризов со стороны этого комбинатора будет еще очень много.

– Значит, с взломом печати проблемы, как таковой, не возникает. Я рада. Но мне предстоит сообщить вам, месье Ревиньон, о той катастрофической ситуации, в которую попало наше предприятие. Ее мне обрисовали в нашем банке. Не сегодня-завтра наш винный комбинат объявят банкротом. Срок зависит от компании Теннисона, как только они потребуют вернуть деньги, якобы выделенные полгода назад для реконструкции завода. Вы слышали об этом?

Да, Симон не только слышал уже от Антуана, но и догадывался сам. И Вера поведала ему теперь детали. Оказывается, предприятие Теннисона в лице его представителя Фронташе уговорило Антуана Жерюмо принять от них воистину королевский дар в триста пятьдесят тысяч франков для этой самой реконструкции. Процент банка был очень низкий, естественно, Антуан не устоял, и, не посоветовавшись ни с кем, принял этот дар. Самое главное, он не сказал ничего об этом отцу, видимо, решив преподнести ему приятный сюрприз. Его можно понять: он поверил в искренность намерений своего институтского друга, который действовал по заранее подготовленному плану конкурирующей организации. Примерно через неделю эта астрономическая сумма денег, теперь уже рукой Антуана Жерюмо, была переведена на счет некой фирмы, заключившей договор на проведение работ по реконструкции. Вчера стало известно: данная фирма исчезла с финансового горизонта, а вместе с ней и триста пятьдесят тысяч франков. Это была катастрофа, и мы с Симоном не знали, как быть. Мы не знали, к кому обратиться, пока он не вспомнил об одном русском агентстве.

В этом месте своего повествования Верочка вдруг остановилась и взглянула на Владимира.

– Володя, скажи: я уже утомила своим рассказом? Может, мне остановиться на этом?

– Нет, что ты! Мне очень интересно! – запротестовал поручик. – А хочешь, я угадаю, к кому вы обратились? Русское сыскное агентство Стаса на бульваре Нея. Я правильно назвал?

– Правильно... – в голосе женщины звучит некоторая растерянность, она вдруг начинает пристально вглядываться в лицо собеседника. – Скажи мне, Владимир, а ты никогда не носил усы и бороду? Признавайся.

– Носил, признаюсь. А к чему этот вопрос?

– А ты знаешь, когда я вошла к Стасу в кабинет, то на тумбочке увидела фото мужчины с пышной бородой и такими же усами. Его лицо мне показалось знакомым, и я принялась вглядываться, но хозяин тут же спрятал ее в стол. Мне кажется, что он смутился. Теперь я поняла – это был ты!

– Не стану отрицать, возможно, так и было. И что же дальше?

– Дальше? О! Дальше все было очень интересно. Стас взялся за наше безнадежное уже, как нам казалось, дело и довольно быстро раскрутил его в нашу пользу. Хотя не обошлось без осложнений, и первым из них, причем совершенно неожиданным, оказалось поведение Антуана. Мы с Симоном, конечно же, ожидали, что Жерюмо бросится защищать своего ставленника и друга Фронташе, но тот спокойно отнесся к его изгнанию; и, более того, сам сделал довольно неожиданное заявление.

– Если б вы знали, как я вам благодарен за эту выставку, – сказал Антуан во время торжественного обеда, который я устроила по случаю его возвращения в Париж. Мы сидели в старом уютном ресторанчике на улице Марии Медичи неподалеку от Люксембургского сада. Мы – это я, Симон с супругой и только что прилетевший из Лондона Антуан. Мы с Симоном горели желанием поделиться последними новостями, но вначале должны были выслушать рассказ моего мужа о поездке. – Я вам благодарен за то, что, отправив меня в Национальную галерею к импрессионистам, вы открыли мне глаза на мое будущее. Только теперь я внимательно присмотрелся к тому, чем занимался в последние годы. И только теперь я осознал всю глубину моих заблуждений. Я понял, что мое место у мольберта, поэтому на ваш завод я больше ни ногой! И не говорите мне больше о нем ни слова.

Антуан уже много выпил и продолжал в том же духе довольно долго. В нем явно произошла некая глубинная перемена, и Ревиньону вдруг подумалось, что глаза у его крестника открылись не только на трудовую деятельность, а еще на что-то, нечто сокровенное. Но он панически тут же прогнал эту нехорошую мысль. Потом она вернется к нему снова, причем не один раз, но вмешаться в это будет уже невозможно, потому что поздно. Жерюмо категорически отказался выслушать о положении дел на предприятии, и нам с трудом удалось уговорить его хотя бы помочь Стасу разобраться в ситуации. Она заключалась в том, что договор на такую сумму обязательно должен быть заверен нотариально. Фронташе предоставил копию договора, но поскольку он так и не смог отыскать Антуана в парижских казино, то подлинность подписей вызывала сомнение. Сыщик представил нотариусу, в присутствии понятых, Жерюмо в окружении трех подставных лиц, но тот не нашел среди них человека, поставившего свою подпись под договором. Нотариус пообещал явиться на процесс по иску Жерюмо к Теннисону, но на третий день его сбил проезжающий по улице автомобиль. К счастью, он остался жив, но показания теперь дать не сможет. Но у Стаса уже есть неопровержимые улики, что Жерюмо-младший этот скандальный договор не подписывал.

– До начала судебного процесса оставалось несколько дней, – продолжила свой рассказ Вера, – и тут я вспомнила о человеке, первым протянувшем руку помощи. То, что мне, благодаря Сержу, удалось проникнуть на завод и войти в контакт с Ревиньоном, спасло нас от краха. Еще я вспомнила о записке, неизвестно как оказавшейся в моей сумочке; в ней предупреждалось о том, что денежный кредит от Теннисона – это ловушка. И подсказка послушать разговоры рабочих в кафе: все это была, конечно, работа Сержа. Если признаться, то я о нем не забывала ни на минуту, просто мне не удавалось приложить к этому еще что-то, кроме мыслей. Теперь я решила действовать немедленно и отыскать своего спасителя, хотя бы для того, чтобы сказать ему спасибо за то хорошее, что он сделал для меня. И при этом сам потерял работу. При существующей во Франции ситуации это было чревато для благополучия любого человека, пусть даже со специальностью шофера.

Расспросы в гараже завода ничего не дали. «Понимаете, мадам, – сказал начальник гаража, – мы зачастую не имеем представления, откуда к нам приходят люди, хотя это поло-

жено знать, а куда уходят, подавно не знаем. Париж огромен, машин много, но вы не отчаивайтесь. В каждом районе города есть места, где собираются русские шофера. Это кафе и недорогие ресторанчики, попробуйте поискать там, скорее всего вам в этом помогут таксисты, опять же русские». Я последовала его совету. Володя, я опускаю подробности: поиски были долгими, вначале совершенно впустую, но я надеялась на свое счастье. Однажды мне повезло, мне показали кафе, в котором иногда ужинал человек, который подходил по моим описаниям на того, что мне нужен. Я два вечера дежурила у входа, пока, наконец, не показался мужчина, очень похожий на Сержа. Я не стала окликать его на улице, боясь ошибиться, и вошла вслед за ним через минуту. Но в зале его не оказалось, хотя я уже не сомневалась, что это был он. Поскольку там не было никого даже чуточку похожего, значит, он просто ушел черным ходом. Возможно, он тоже узнал меня и скрылся. Такое открытие крайне огорчило меня, и я решила еще раз устроить там засаду, чтобы узнать всю правду, какой бы она не была. Но это пришлось отложить; на следующий день был назначено разбирательство в суде.

Утро следующего дня не предвещало ничего неожиданного. Процесс был назначен на три часа дня, Вера и Антуан были дома. Симон собирался заехать за ними в два; до Дворца правосудия полчаса езды. Где-то после восьми был телефонный звонок; ей было слышно, как муж несколько раз сказал. – Нет, сегодня я не могу, встретимся завтра. – Но там очевидно настаивали, наконец, он согласился, – ладно, я приеду, но на пять минут, не больше. Где это? Ламбаль? За лицеем? Хорошо, сейчас буду. – Он надел плащ, сказал, что отлучится на полчаса, не больше, звонит старый товарищ, что-то там случилось. Он уехал, а Вера принялась еще раз просматривать материалы к сегодняшнему процессу, на котором они должны отвергнуть притязания Теннисона. Когда она взглянула на часы, то увидела, что прошло уже больше часа. Она подождала еще полчаса, и в душу потихоньку вползло недоброе предчувствие. Позвонила в гараж и попросила прислать авто к ее дому, хотя совершенно не представляла, куда она поедет. Машина задерживалась, Вера вышла на улицу и нервно расхаживала перед домом. На противоположной стороне появился человек в плаще с поднятым воротником и в темных очках. Остановившись напротив, он повернулся к ней лицом и снял очки, и Вера едва не вскрикнула – это был Серж! Он прижал палец к губам, осмотрелся по сторонам и перешел к ней.

– Здравствуйте, Вера! У вас что-то случилось? Уж очень вид у вас испуганный.

– Здравствуйте! – ей хотелось броситься ему на шею, очень вовремя он оказался рядом, такое бывает только в кино, – Антуан пропал! Ему позвонили, куда-то пригласили, и он сказал мне, что вернется через полчаса, но прошло почти два. Сегодня суд, если его не будет, мы проиграем.

– Позвонили? Вы не знаете, откуда? Тогда давайте войдем в дом.

Серж поднял трубку. – Мадмуазель, это уголовная полиция, инспектор Клиту. Два часа назад господину Жерюмо был звонок, мне хотелось бы узнать ... Улица де Ламбаль, кафе Трокадеро? Спасибо.

Он внимательно посмотрел ей в глаза, кажется, даже слишком внимательно. Она, кажется, смутилась, что-то горячее поднялось в ее душе, что даже заставило покраснеть. У ворот просигналила машина.

– Быстро вниз, и отпустите шофера. Да, спросите у него, как проехать на улицу Ламбаль.

Он спустился следом и сел за руль. – Это за лицеем Мольера, – сказала Вера и вопросительно взглянула на Сергея. Он понял, от него ждали объяснения.

– Да, вчера это был я. Но за вашей спиной все время откровенно маячили две фигуры, скорее всего, люди Фронташе; они шли за вами, чтобы найти меня. Он, конечно же, вычислил, кто смешал ему все карты и теперь горит желанием отомстить за испорченную игру. Мне пришлось уйти черным ходом. Я знал, что сегодня судебное заседание, и уже с утра решил понаблюдать за вашим домом. Когда я увидел, что Антуан куда-то выехал, то понял, можно

не прятаться, слезки за тобой не будет. Раз им удалось выманить Жерюмо, то его супруга им пока что не нужна совершенно.

Они разыскали нужное кафе, но Антуана в нем не оказалось. Вера обрисовала портрет человека, который им нужен. Но главным определяющим была все же одежда.

– Белый джемпер под светло-коричневой замшевой курткой? И берет светлый? – уточнил официант. – Этот человек сидел вот за этим столиком, когда я пригласил его к телефону. После этого он вышел на площадь, там общался с таксистами, затем уехал на светлом ситроене.

Светлый «ситроен» – это машина Антуана. Серж поговорил с таксистами. – Да, молодой человек интересовался адресом, кажется, улица Лавалья 37 или 57, точно не помню, – сказал один из них и объяснил, как туда проехать. Это оказалось на том берегу Сены. Перед мостом они попали в пробку; Вера уже волновалась, до заседания суда чуть больше двух часов.

Заборы были высокие, но Серж умудрился заглянуть: за одним из них машина вашего мужа. На стук никто не выходил. – Придется перелезть, – сказал он.

– А как же я? Это же опасно! Может, лучше вызовем полицию? – возразила она.

– У нас нет уже времени. И потом, что мы им скажем? Стойте здесь, я вам открою изнутри.

Он легко подтянулся и исчез, где-то в глубине двора залаяла собака. Стукнул засов. – Заходите, – пригласил Серж, но она не успела это сделать.

– Сергей, осторожно! – закричала Вера. Из дома выскочил человек и бросился к ним.

– Вон отсюда! Кто такие? Убирайтесь немедленно! – он был чуть выше Сержа и сразу попытался схватить его за горло. Тот сказал: «Verzeihen!»* и ударил головой в лицо с такой силой, что тот разжал пальцы и бесчувственный рухнул, раскинув руки. Серж наклонился, обшарил карманы и вытащил пистолет.

– Теперь быстро в дом! – сказал он Вере и бросился в открытую дверь.

– Там кто-то ломился! Ты узнал, кто? – спросил, не оборачиваясь, мужчина в домашнем халате. Он сидел за столом, на нем стояла пишущая машинка. Сергей приставил ему ко лбу пистолет.

– Я ломился, и я уже здесь! Быстро говори, где Антуан, иначе сейчас тебе будет совсем плохо.

Но тот с испугу не мог произнести ни слова, и лишь показал рукой на дверь рядом. Жерюмо лежал на диване, он не подавал признаков жизни; Верочка наклонилась к нему и едва уловила чуть слышное дыхание. На столике среди винных бутылок пустая упаковка от снотворного.

– То-то, я думаю, не мог мой бывший шеф так крепко уснуть от пары бутылок вина. Они его попросту усыпили. – Сергей посмотрел в окно, – а твой поделщик уже сбежал, ты теперь один ответишь. Похищение человека и попытка его отравить.

– Это не я! – забормотал хозяин квартиры, – это все он. Он мне угрожал! Но я не слушался.

Вера позвонила в больницу и полицейский участок. Полиция прибыла первой.

– Никуда он от нас не денется, – заметил инспектор, выслушав Сержа, – мы за ним уже давно наблюдаем. Кажется, он один из тех, кто устроил покушение на нотариуса. И пистолет изъяли вы

у него очень кстати – это серьезная улика. Теперь мы займемся хозяином дома.

*Verzeihen – извините. (нем.)

Наконец, прибыла медицинская карета; больного увезли в клинику. Вера уехала следом, не успев ничего сказать Сергею, который был занят разговором с инспектором.

В зале суда с Антуаном они появились за четверть часа до начала; к своему удивлению в первом ряду увидела свекра Марка Жерюмо. Тот сделал приглашающий жест, и они с мужем уселись по сторонам. Все вопросы у него к невестке; чувствуется, что он о многом в курсе,

очевидно, уже беседовал с Симоном. Но у нее вдруг возникло ощущение, что отец Антуана все это время был рядом. К этому ее подтолкнула его фраза: «а ты неплохо все это время держалась, дочка!» Нет, было бы совершенной глупостью предполагать, что Жерюмо-старший находился эти полгода в Париже и молча наблюдал, как рушилось его предприятие, и не просто рушилось, а едва не стало добычей конкурентов. Еще немного, и Теннисон с Фронташе победили бы. А теперь им нанесли сокрушительное поражение: Теннисон уплатит огромный штраф, а его пасынок взят под стражу прямо в зале суда; кроме мошенничества, ему еще грозит уголовная статья. Но Вера не видит в этом своей заслуги. Все это случилось, конечно же, благодаря усилиям Симона и Стаса, да еще одного человека, о котором она умолчит. Человека, который неоднократно предупреждал ее об опасности и несколько раз спасал, а она до сих пор по-настоящему с ним не познакомилась. Но это все впереди, решила женщина, и эта мысль теперь приятно согревает ее душу.

В маленьком загородном ресторанчике в тот же вечер семейство отпраздновало свою победу; из чужих – только Симон Ревиньон с супругой. Родственников у Жерюмо очень много, и Вера еще даже не всех их знает в лицо. Разговор за столом был общий, в основном о семейных делах. У

старшей дочери четы Жерюмо недавно родилась дочь; Марк стал дедушкой, и это событие – главная тема. Вера довольно пассивна в этом общем разговоре, она в основном слушает, и теперь обрадовалась, что глава семьи пригласил ее во время смены блюд на открытую террасу: сейчас она услышит что-то новое. Так оно и оказалось.

– Раз уж так получилось, что Антуан не справился, быть тебе, дочка, теперь главной. Садись всерьез в кресло директора, оно как раз для тебя. Твой муж решил по-настоящему заняться живописью, для этого, кажется, есть все предпосылки; те, кто видел его картины, пророчат грядущий успех. Поедем завтра вместе, купим для него мастерскую где-нибудь на Монмартре.

Мадам Юлия тоже уделила несколько минут для секретного разговора с невесткой.

– Вы поймите меня правильно, милая Вероника, – сказала она после расспросов о здоровье, – мы, и особенно мой муж, очень и очень ждем появления внука. И в этом плане все надежды только на вас. Внук по мужской линии, продолжатель рода, наследник всего и вся! Вы меня понимаете? – она не стала дожидаться ответа молодой женщины, – а раз понимаете, то скажите нам, что надлежит сделать безотлагательно, чтобы такое свершилось? Говорите, не стесняйтесь, мне кажется, что сейчас пока еще все в наших силах. Особенно, если речь идет о материальных факторах. Говорите, я передам ваши слова моему мужу.

– Мне нечего вам сказать, – смущенно пролепетала Верочка, а про себя возмущенно подумала: «Боже мой, да о чем она говорит! Какие здесь могут быть слова, которые можно передать?» До этого вопрос о рождении ребенка с ней никто не обсуждал и она сама, как ей казалось, особо не задумывалась об этом. Она просто ждала и надеялась на естественный ход событий, положенный в любой молодой семье. Но хотя уже немало воды утекло после их свадьбы, до сих пор их семейный корабль так и не сумел причалить в какую-нибудь тихую заводь семейной жизни. Вначале неурядицы на работе, затем казино, где что проигрыши, что выигрыши, одинаково требовали снятия стресса при помощи спиртного, и это не могло не отражаться на душевном и физическом состоянии супруга. Вдобавок к этому еще мерзостная компания, окружившая Антуана после того, как большинство его прежних друзей прекратило общение со ставшим вдруг нетерпимым и взрывающимся грубостью по любому поводу человеком. О том, что эта компания не всегда была чисто мужской, Вера догадывалась по тем прискорбным случаям, когда ее супруг вдруг предпочитал диван в кабинете супружеской спальне. Теперь вопрос о наследнике, поднятый свекровью, становился вовсе проблематичным, да и до ухода на диван успехи у постоянно нетрезвого супруга были в этом плане минимальными.

Сейчас слова свекрови о каких-то материальных факторах, которые якобы смогли бы содействовать зачатию ребенка, вызвали у Веры вначале искреннее негодование.

Вот именно! В ваших руках остались только материальное! Мозгов вы своему сыночку не вставите, даже если попытаетесь, возмутилась внутренне Вера. Слишком поздно – он уже окончательно и безоговорочно сформировался как блистательный эгоист. Но затем, успокоившись, подумала: а вдруг все может наладиться? Ведь если раньше она пыталась одна повлиять на Антуана, то теперь увидела поддержку со стороны его родителей. И она робко поведала это свекрови. Теперь уже и от их влияния зависит, как поведет себя этот великолепно сложенный жизнерадостный красавец. Ее же воздействие на мужа, кажется, было до сих пор ничтожным. А с ними, особенно с отцом, Антуан очень считается.

Мадам кивнула, соглашаясь, и Верочке стало легче на душе. Но они даже не могли себе представить, насколько глубоки были их заблуждения на этот счет. Он считался или может, боялся – можно было думать как угодно – родителей, лишь пока они были рядом. Месяц, который Жерюмо-старший планировал провести в Париже, закончился, и он отправился в Бордо к своим винным заводам. Через пару дней после этого Антуан взял за правило оставаться ночевать в мастерской, о чем он на первых порах сообщал жене по телефону. Затем звонки прекратились, и неслучайно заглянувшему туда вечером Ревиньону долго не открывали, а когда все же открыли, то он просто пришел в ужас. Место мольберта занимал стол, уставленный бутылками, а в мастерской, кроме нетрезвых молодых людей, было полно полуголых девиц, которых Антуан, естественно, представил Симону как натурщиц.

Вера на следующий день дозвонилась до Бордо. Жерюмо-старший тут же прибыл в Париж и уже через два часа они обедали в кафе на Елисейских полях.

– А ты знаешь, дочка, – в устах Марка такое обращение звучит теперь все чаще, – ты знаешь, когда-то Симон мне предсказывал что-то подобное в отношении твоего супруга. Да и я сам опасался нечто похожего, хотя и верил в тот здравый смысл, наличие которого предполагал достаточным в голове моего сына. Но все мои надежды рухнули, теперь это наглядно видно. Антуана тридцать пять лет воспитывала парижская среда, а мы с Юлией были уверены, что у нас вырастает примерный добропорядочный сын. Мы забыли, что Париж для слабых – а наш сын оказался именно таким – это винная лавка с распутными девицами и рулеточными шулерами. И устоять в нем слабому человеку невозможно. Конечно, есть и другой Париж – для сильных, и он гораздо больше, но не будем сейчас об этом. У меня давно уже зародилась одна, как мне кажется, спасительная мысль. Нам следует вырвать Антуана из привычной трясины парижских развлечений, от окружающих его порочных друзей, с которыми он уже давным-давно сросся в одно целое. Они совершенно не мыслят для себя иного образа жизни, он просто для них не существует, даже в воображении. И живопись не реальна для моего сына в данном окружении, точно так, как не реальна и нормальная семейная жизнь.

План спасения Антуана прост: он должен покинуть Париж и поселиться как можно дальше от столицы, вне пределов досягаемости своих дружков. Согласна ли Вера на такой шаг, не слишком ли окажется он для нее обременительным? Согласна, успокаивает она свекра, и не только согласна, но и совершит его с радостью, ибо она все еще любит Антуана, несмотря ни на что, и готова на все ради сохранения семьи. Сама мысль остаться в одиночестве ужасна, ничего страшнее нельзя даже представить.

– Вот и хорошо, – Марк подводит итог разговора, – раз ты согласна, то выслушай меня внимательно. На юге в городке с названием Ним у меня есть винный завод. Он небольшой, как и сам город, но довольно прибыльный, поскольку качество его вин непревзойденное; их успех таится в климате и почвах, и уходить оттуда нельзя никоим образом. Директор завода давно уже просится на отдых, ему уже под восемьдесят, вдобавок подагра и все прочее. Завтра же едем с тобой туда на рекогносцировку. Тьфу ты, прости меня, дочка, это гадкое слово во мне с войны! Завтра едем посмотреть и возьмем с собой Симона.

Городок Вере понравился, он чем-то отдаленно напомнил ей Евпаторию. Да и расстояние до моря – мелочь для автомобиля. На море у них большой дом, там Антуан может рисовать. Дом в Ниме потребует ремонта, на это у них целых три месяца. Как решил Марк, Антуан вначале отправится в Швейцарию, где ему предстоит немножко подлечиться, самому справиться с пагубной привычкой будет сложно. Если ты хочешь, дочка, можешь поехать с ним.

– Я бы с удовольствием, но не уверена, захочет ли он этого сам, – ответила Вера.

Так и оказалось: Антуан заявил, что хочет побыть один. Ему не поверили до конца, и с ним отправились его сестра с мужем. Решили, что так будет надежнее. Марк поинтересовался, кому Вера хотела бы передать дела в Париже.

– Конечно же, дяде Симону, – не задумываясь, ответила та, – лучше не придумаешь.

– Ну и отлично! – согласился Жерюмо, – и запомни, что парижский комбинат по-прежнему ваш, как и новый завод в Ниме. Это мои подарки будущему внуку, не забывай об этом.

Она обрадовалась, что Антуан не захотел взять ее с собой, теперь ей будет проще выполнить свой недавно появившийся план. Он касался ее нового знакомого. Первоначально Вера решила просто отыскать и отблагодарить Сергея за все его добрые дела. Но что значит отблагодарить? При встрече высказать соответствующие случаю слова? Ему будет приятно, но это всего лишь слова, которые ничего не изменят в его жизни. А что еще? Дать ему денег? Это было бы правильнее; она уверена, что Серж бедствует, как и большинство русских эмигрантов. Но она также уверена, что денег он не возьмет, а вот обидеть его при этом – пару пустяков. Ладно, она вначале отыщет своего спасителя и поговорит с ним, а там будет видно.

Во второй половине дня у директора завода – а Вера пока еще директор, Симон попросил ее еще хотя бы месяц посидеть в этом кресле, пока он подтянет свои хвосты – нерешенных производственных проблем уже нет, и она посвятит оставшуюся половину дня себя. Ей нужен сопровождающий; уж очень сложно женщине одной сидеть в шумном кафе и не стать объектом ухаживаний, иногда столь настойчивых, что единственный способ избавиться – это бегство. Нет, ее секретарь не подойдет, объясняет Вера Симону, будет еще хуже, ибо на такую красоту сбегутся все парижские донжуаны! Ревиньон соглашается и отправляет с ней своего младшего сына Даниэля. Он все равно скучает в лаборатории, а от вас узнает что-нибудь новое. Даниэлю скоро двадцать три, он учится в колледже на пищевода, мечтает стать виноделом, как отец. Теперь он будет сопровождать своего директора в скитаниях по кафе и ресторанчикам, преимущественно самых недорогим, где обычно собираются русские эмигранты. Он сидит с ней рядом, неуклюже, но с претензией на истинно французскую галантность, ухаживает и выполняет мелкие поручения. Тем не менее, уличным ловеласам дают понять, что женщина не одна, и уже это служит ей хоть какой-то защитой.

Они занимают места в середине зала – это удобно, отсюда видно во все стороны. Это уже третье по счету кафе, все в том районе, где она видела Сергея последний раз. И расстались как-то торопливо, и она не узнала даже его адрес; в глубине души все же надеялась, что он объявится сам, но этого не произошло. Конец рабочего дня, и кафе мгновенно заполняется; со всех сторон звучит русская речь, правда в некоей смеси с французской, но шутки и приветствия исключительно русские. Через несколько столиков от них троится русских мужчин; говорят в основном двое, но они Веру как раз и не интересуют. А вот третий чем-то неуловимо похож на Сергея, но он сидит спиной и преимущественно молчит, лишь изредка вставляя междометия. Появился четвертый. Его, очевидно, ждали, шумно приветствовали, и, кажется, выговаривали за опоздание. Разговор оживился, голоса зазвучали громче, и внезапно за столиком вспыхнула ссора.

– Да пошли вы все! – вскочил вдруг только прибывший, – я теперь с вами за одним столом ...

– погоди, Саша, успокойся! – попытался удержать его за рукав сидящий спиной, – ты просто ничего не понял.

– Все я понял! Не русские вы! – и он с силой рванул руку и угодил локтем в поднос проходящему за его спиной официанту. Раздался звон разбивающейся посуды, и стало тихо. – А тебя куда несет, морда ... – вскочивший клиент подумал и добавил, – японская!

Официант был маленького роста и действительно чуточку похож на японца. Но, к сожалению, вовсе не японец, о чем сразу же всем стало понятно.

– А сейчас мы посмотрим, чья морда японская! – заорал официант по-русски так громко, что казалось, смолкли даже уличные шумы. – Сейчас какая морда заплатит, та и японская! Люсьен, зови хозяина, пусть платят, пока не удёрли!

– Сколько же мы тебе должны, любезный? – примиряюще спросил Сергей (Вера уже увидела, что это был он). Официант заглянул в книжечку.

– Коньяк шестьдесят, закуска двадцать пять! – он на секунду задумался, – и пятерка мне, рукав пиджака испачкали. Итого девяносто!

– Какие девяносто!? А ну, покажи твою книжечку! – пострадавший потянулся к официанту, а тот спрятал руку за спину. – По запаху слышу – это бренди по пять франков за бутылку. Вот тебе десятка за выпивку и столько же за закуску. – Он взял двадцатку у Сергея и протянул официанту, – а рукав я тебе сам почищу. Лично. Вместе с мордой, но это не сейчас!

Появился хозяин – толстяк в белоснежном колпаке и с шумовкой в руке.

– Что здесь происходит? – он остановился среди битой посуды, уперев одну руку в бок и подняв шумовку, как меч, с которым он собирался броситься в бой; к этому следует добавить устрашающий взгляд, направленный на стоящего у стола клиента.

– Жан Жаныч! – забормотал официант уже другим, приглушенным тоном, – вот эти набедокурили, а платить не желают. Сумма большая, а они двадцатку суют. Может полицию вызвать, а?

Вера подумала: возможно, у ее земляков нет других денег, кроме двадцатки, выгащила сотенную и приказала Даниэлю вручить хозяину, но так, чтобы не поняли, от кого. Даниэль двинулся туда, но хозяин уже поинтересовался: сколько они должны? Официант зашептал ему на ухо.

– Пятьдесят?! – громко переспросил хозяин. – Точно?! В этот момент появился Даниэль.

– Вот возьмите! – и протянул ему сто франков. – От кого? – Юноша осмотрелся; в самом дальнем углу большая компания мужчин играла в карты. – Эти люди просили их не называть, но, если можно, больше не шуметь. Вы мешаєте им играть.

Все посмотрели в ту сторону, и Верочка едва успела прикрыться карточкой вин.

– Я сейчас принесу сдачу, – заявил официант, пятясь от наступающего на него разгневанного клиента, – я только посчитаю стоимость посуды.

Мужчины оставили двадцатку на столе и поднялись, давая понять, что их только что незаслуженно обидели. Хозяин кафе, которому уже объяснили происшедшее, неожиданно стал на сторону клиентов.

– А ты тоже мог быть повнимательнее! Настоящий официант должен уметь маневрировать и свободно пробегать с подносом среди танцующих, даже нетрезвых. А ты? Сам виноват! Надеюсь, месье, останутся нашими клиентами, – обратился он теперь к уходящей четверке, – в виде компенсации в следующий раз я вас угощаю лично! Но вы сделайте скидку гарсону, он еще недостаточно опытен. Прошу вас, заберите ваши деньги!

Вера приказала Даниэлю оставаться в кафе, а сама вышла на улицу. Они не должны уйти далеко, подумала она, всматриваясь в начинающие сгущаться вечерние сумерки. Вскоре она увидела четверку мужчин, неторопливо спускающуюся вниз к Сене; чтобы не идти за ними следом, она перешла на противоположную сторону улицы. Если они останавливались, Вера принималась разглядывать витрины магазина на своей стороне; где-то она действительно засмотрелась, кажется на шляпки, а когда подняла голову, то увидела пустой тротуар на той стороне. Тут же ускорила шаг и внезапно остановилась; впереди нее в десятке метров стояли трое муж-

чин и смотрели в ее сторону. Поворачивать назад было поздно, да и бесполезно, четвертый наверняка уже за ее спиной. Она продолжила свой путь и тут услышала:

– А я вам говорю, что это шпионка. Я ее видел в кафе, она еще прикрывалась газетой.

– Ну и пусть шпионка, зато какая хорошенькая, – возразил другой, – пускай она меня завербует, или еще что-нибудь, я не стану сопротивляться.

Вера подошла ближе и остановилась возле Сергея,

– Серёжа, скажите своим друзьям, что настоящая шпионка никогда не будет прикрываться газетой. Только веером. Но если его нет, тогда карточкой вин, как было только что на самом деле.

– Вера!? – изумился Сергей. – Вы откуда? – его голубые глаза смотрят ласково и внимательно. Он взял ее за руки, и ей показалось, что вокруг сразу стало тепло, словно исчезла вечерняя сырость, идущая от реки. – Друзья, это Вера! – воскликнул он радостно. – Я вам о ней однажды говорил, теперь можете познакомиться.

– Но я не помню, чтобы ты говорил, что она владеет русским. Однако мой комплимент остается в силе, и еще мне придется купить ей веер, как настоящей шпионке, – сказал один из компании.

Сергей представил Вере своих спутников.

– А по какому поводу вы в кафе так повздорили, что чуть не убили официанта? Мне страшно интересно, – спросила она Александра. Оказалось, что разногласия возникли у них, причем серьезные, по поводу решения его товарищей выйти из Русского общевойскового союза.

– Но Саша решил в нем остаться. С его помощью он намерен напасть на Советскую Россию, разгромить большевиков и, возродив монархию, стать там царем, – сказал Вадим.

– А они собираются доживать век замшелыми камнями, обросшие мхом, – горячится Александр.

– Обрати внимание, Саша, камнями целыми, не разбитыми на куски и не зарытыми в землю, – в спор вмешивается Сергей. – Но оставим это. Вера, что-то произошло? Что-то снова плохое?

– Нет, Сергей, ничего не произошло. И хочется верить, что все плохое уже позади. Хотя снова возникла проблема, и я даже не представляю, как мне ее решить без вашей помощи.

Она замолчала, внезапно подумав, что сейчас ей придется упомянуть Антуана, ведь все это только ради его спасения и затевается. А захочет ли Карпухин менять что-либо в своей жизни ради спасения ее мужа? Нет, конечно. Да она и не станет его об этом просить. Нужно что-то другое, но что? Она почувствовала себя не готовой к серьезному разговору, хотя репетировала его уже не один раз. Ладно, была, не была.

– Сергей Васильевич, мне необходимо покинуть Париж. Нет, не на время, а навсегда.

Он остановился и смотрит на нее вопросительно: только Париж, или Францию?

– Нет, только Париж. Так складывается обстановка, что лучше всего поменять место жительства. Там на самом юге есть прекрасный городок Ним, вот в нем я и хотела бы поселиться. Нет, слово хотела здесь неуместно – мне придется там поселиться. И вот я обращаюсь к вам с огромной просьбой составить компанию. Что вы на это скажете?

Он молчал, собираясь с мыслями, так как предложение застало его врасплох, несмотря на то, что он был полностью в курсе ее личной жизни, как личный водитель обоих супругов. На его взгляд, положение ее мужа не столь уж трагично. Ему нужна крепкая рука, да и только. И, скорее всего, не Верина. И вряд ли переезд из шумной столицы в тихую провинцию обязательно излечит Антуана. Хотя ограничить его, вырвав из привычного окружения, будет намного проще. Но причем здесь я? Хотя он прекрасно знает, что сейчас последует, и также то, что он не сможет отказаться. И должен ли он вообще отказываться от того, что может при-

нести ему возможно даже счастье. Тут он решил остановиться в своих слишком уж смелых предчувствиях. Скорее всего, он ошибается – женщине просто нужна помощь.

Сергей не отвечает, и Вере внезапно приходит мысль, которая должна прийти с самого начала. Ведь она, почти ничего не зная толком о Карпухине, предложила ему уехать.

– Извините меня, мое предложение несколько бестактно. Сожалею, что я его сделала, не поинтересовавшись самым важным. – Она хотела спросить, счастлив ли он, но постеснялась громкого слова. – Скажите, как вам здесь в Париже живется?

Он ответил весьма уклончиво, и она поняла: в его парижской жизни нет ничего хорошего. Кроме этой обтекаемой фразы, были еще его глаза. И еще ей вдруг нестерпимо захотелось узнать, как он жил после той случайной их встречи в Константинополе. Она обязательно заставит его рассказать обо всем. И эта внезапная мысль отодвинула в сторону все ее сомнения. Она ясно поняла, что ей нужно. Отныне она станет его, да и не только его, а и его друзей, уговаривать переехать в Нем. Причем, изо всех сил. Она должна настаивать на этом шаге еще потому, что краешком глаза уже заглянула в их жизнь. Может попытаться их как-то заманить?

– Представьте себе, что в этом самом городе есть винный завод, окруженный отличными виноградниками и изготавливающий великолепное вино. Но сам завод построен еще до взятия Бастилии, и все там делается вручную. А теперь представьте, что этот самый завод вручают мне, я думаю с одной единственной целью – вырвать Антуана из рук парижских друзей-собутельников. Никакого подвоха в этом нет, но мы были уже там вместе с главным технологом. Симон предсказал предприятию печальный конец: через два-три года его придется закрыть. Если не провести технической реконструкции, то конкуренция задавит. Выходит, мне придется ее делать, хотя бы для того, чтобы не опозориться лично. Но для этого нужны инженеры, механики, электрики, а где их взять, не подскажете?

– Ну почему нет! Вот лично я и мои товарищи, – Сергей кивнул на отставших сзади друзей – мы все бывшие военнотехнические инженеры полка Его Императорского величества и так далее Смоленской дивизии, нам по плечу любая техническая задача. А ваше предложение интересно. Но с ними говорить нужно отдельно, и не на ходу. Давайте встретимся завтра.

Они дождались остальных. – Есть проблема, и ее мне в одиночку не решить, – сказал Сергей. – Есть предложение обсудить ее завтра. Согласны? Вера, на том же месте в пять вечера.

На следующий день они ее поджидали не только в том же кафе, но и за тем же столом.

– А я думала, что вы сюда больше не явитесь после такого скандала, – заметила Вера.

– Нет, это теперь вопрос принципа. Мы ведь собственно ни в чем не виноваты. Неловкость кельнера, он сам подлез мне под руку, – ответил Александр, – ведь это признал и сам хозяин.

Словно в подтверждение его слов подошедший официант сообщил им, что его предшественник уволен, и он уполномочен, от имени хозяина, сообщить: сегодняшняя ужин для вас, уважаемых клиентов, за счет заведения. Его поблагодарили и вежливо отказались.

– Конечно, наш случай не слишком типичен, но мне кажется, что отношение французов к нам постепенно изменяется, причем в лучшую сторону, – заметил Вадим. Он старше всех по возрасту, и Вере кажется, что остальные прислушиваются к его словам, – и дело не только в нас, русских, живущих во Франции, но и в том, что происходит в России. Нет, друзья, здесь расстояние не имеет существенного значения. Как верно подметила восточная мудрость, взмах крыльев бабочки на одном континенте вызывает цунами на другом. После русской революции, лишившей значительную часть французских буржуа сбережений, вложенных в царскую Россию, они возненавидели самых первых русских беглецов, затем к этому подлому чувству добавил масла выход России из войны в восемнадцатом. А если обратиться к событиям, имевшим место в более давние времена, то мы вообще не отыщем среди них ни малейшего повода для проявления теплых чувств к нам со стороны французов. Бонапарт в 1812 году вторгся в Россию, в результате от его великой армии остались одни воспоминания, а в Париж вошли русские

казаки. Его племянник Наполеон Третий решил повторить подвиг великого дядюшки и, прихватив в компанию англичан вместе с турками, развязал Крымскую войну, которая, следует заметить, закончилась еще большим позором.

– Это почему же позором? У них на всех углах написано про победу, – возразил Александр.

– Саша, мы никогда не станем даже пытаться опровергать чужие постулаты. Ни в коем случае! Раз так они считают, то, очевидно, так оно и есть. Но вот давай сравним с тобою итоги этих двух великих войн. Дядя прошел огромное пространство от Немана и до Москвы, и что же получил он в конце? Сгоревшую столицу. Но за короткий срок такое расстояние! Почти тысяча километров. А племяш великого императора умудрился затратить на переход от Камышевой бухты до Малахова кургана почти год – это всего на десять верст! и получил за это трофей в виде южной части портового города, и тоже разрушенного и сгоревшего дотла. И когда его защитники перешли на Северную сторону, то на этом война закончилась, и захватчики отбыли восвояси. И в упор я не вижу никакой победы со стороны Франции. Вы простите меня, старика, что я так отвлекся, но я хочу разобраться в тех тайных течениях, что определяют наше положение. Вы заметили, что-то изменилось, нас не только стали замечать, но с нами уже разговаривают и интересуются нашими делами. Чего раньше не было и в помине. Все это явный признак перемен в самой России, она крепнет, и ее начинают признавать, с ней уже торгуют, и никто не собирается с ней воевать, за исключением правда вот Александра и российского военного союза. Извините, Вера, я отвлекся.

Она извиняет, ей уже известно, такие разговоры неизбежны в русской компании. Наконец они перешли к ее вопросу, ради которого они собрались. Речь произносит тот же Вадим.

– Вся загвоздка в вашем предложении, поскольку за ним перемена места проживания. Не подумайте, Вера, что нам в Париже очень хорошо живется. Нет, русскому человеку нигде не может быть хорошо, кроме как в России, если вам кто-то выдаст противоположное, не верьте ему – он врет! Если это, конечно, настоящий русский человек. Скитаний у нас было уже предостаточно, такова уж эмигрантская судьба, вот только последние, кажется, уже семь лет, – Вадим вопросительно смотрит на своих товарищей, а те его поправляют, – нет, говорят уже восемь, мы на одном месте. И как-то все потихоньку утряслось, свыклось. Соседи, чистильщик обуви, продавцы, полицейские, даже собаки одни и те же. И все уже знакомы, как скажем вот этот хозяин кафе. И вот теперь сдвинуться с этого места, уже почти как насиженного, страшновато. Особенно мне, как я уже в возрасте, они-то молодые.

Но и молодые не изъявляют пылкого желания к переезду, и она начинает терпеливо разъяснять ситуацию. Единственное, что она гарантирует, это жилье и приличный заработок. Они хотели бы услышать какие-то конкретные цифры, но их у нее нет, и приходится договариваться о новой встрече.

Их было еще несколько; Вере уютно за этим столиком, ей нравятся спокойные размеренные беседы. О чем бы они ни велись, они неизменно возвращаются к России. Сергей обычно сидит напротив и она время от времени ловит на себе его взгляд и пытается расшифровать его смысл. Но ничего определенного она до сих пор не вычислила. Русская речь за столом – за ней она успела соскучиться, звучит для Веры настоящей музыкой. Она слушает рассуждения своих земляков; мужественные и красивые, прошедшие две ужасные войны, они не жаловались на выпавшие на их долю невзгоды, говорили о них с юмором.

– А вот в Германию я бы ни за что не поехал, – говорит Вадим, – хотя и заманивают туда нашего брата безработного высокими заработками. Чует мое сердце, неспроста Гитлер все свои заводы укомплектовал полными рабочими сменами, и все предприятия военную продукцию гонят. Кажется, ни для кого не секрет, с кем он воевать собирается. Вначале здесь расправится, а затем на Россию двинет, попомните мое слово.

Наконец, договаривающиеся стороны пришли к заключению: кто-то должен поехать с хозяйкой в Ним и посмотреть все на месте. А в принципе они согласны. Этим «кто-то» назначили единодушно Сергея. Вера обрадовалась и смутилась одновременно.

Они уехали ночным марсельским поездом до Авиньона, а там взяли такси. В Ниме они поселились в разных гостиницах; даже в купе они ехали разных, кажется, они больше всего на свете боялись очутиться наедине. Сергей пробыл три дня, во всем разобрался, и через неделю приехали остальные. Начались работы по переделке завода, и Вера часто бросала все дела и приходила наблюдать за работой ее собственной бригады, как в душе она стала называть четверку русских офицеров; им в помощь набрали два десятка рабочих – слесарей и строителей. И не только она одна была среди наблюдателей: какие-то люди приходили и приезжали неизвестно откуда полюбоваться на их работу. Они же, не обращая никакого внимания на зевак, выполняли все операции аккуратно, доброту и при этом необычайно быстро. Завод менялся на глазах, но ведь это только начало; часто приезжал Ревиньон – помогал разбираться в чертежах.

Наступил день, и Антуан вернулся из Швейцарии. Лечение, очевидно, прошло успешно; он был трезв, задумчив и внимателен к жене, хотя настоящей близости у них по-прежнему не было. К реконструкции завода он отнесся равнодушно, скорее всего, он ее просто не замечал. Вскоре Антуан признался, что виноделие его вовсе не интересует; отныне он посвятит себя живописи. Ей нечего было возразить; она не знала, как ей вести себя с ним, продолжала любить его и плакала иногда по ночам в подушку.

Однажды ее отец прислал письмо, где просил срочно приехать к нему в Сен – Жиль; судя по тексту, старику было, наверное, действительно плохо. Из Нима добраться туда поездом было невозможно, и Антуан повез ее на автомашине. Ливни, встретившие их в пути, вынудили остановиться на ночлег в Бордо. Жерюмо снял шикарный номер из двух комнат и после ужина, проигнорировав великолепную кровать с балдахинном, удалился на диван. Он сослался на плохое самочувствие; возможно, что это была правда – муж постоянно принимал какие-то лекарства, однако у нее возникло неясное предчувствие возможной соперницы.

Отца она застала в постели, возле него хлопотала сиделка, и дважды в день, утром и вечером, навещался врач. Доктор признался, что диагноза пока еще нет, поэтому нужно дождаться результаты анализов. И добавил, что на это уйдет почти неделя. Антуан предложил отвезти больного в Нант, а еще лучше в Париж, но Моисей наотрез отказался.

– Но я не могу здесь сидеть неделю, я пришлю за тобой машину, – заявил супруг и уехал.

Интересно, кого он пришлет, подумала Вера, трое из ее бригады были шоферы. Случилось то, чего она страшно желала и боялась одновременно – за рулем ее автомашины оказался Сергей Карпухин. К этому времени уже анализы получены, но в них теперь не было особой нужды, так как отец поднялся на ноги. Откуда ей было знать, что имел место его разговор с доктором: Моисею хотелось, чтобы дочь побыла немножко с ним рядом.

Они отправились на следующий день обратно, а по дороге ситуация повторилась. Уже вторую неделю ветер с Атлантики регулярно приносил на своих крыльях густые затяжные ливни. Они с трудом доползли до Бордо; Вера дремала на заднем сиденье и в ситуацию совершенно не вмешивалась. Волей случая они остановились в том же отеле, где даме, которую хорошо запомнил портье, предложили тот же номер, что и неделю назад. Утром горничная комментировала: на этот раз парочка спала вместе, второй комплект белья не тронут. Портье принял к сведению эту маленькую сплетню своей подчиненной, все это от скуки. Он почти уверен, что молодой человек был другой, хотя очень похожий. Чтобы не утруждать молодых людей заполнением анкеты, он поселил их по прошлой записи, благо она оказалась под рукой. Осенний дождь совершенно разогнал клиентов, а если ее новый спутник не совсем похож на первого, то это никого совершенно не касается, тем более, что и автомобиль тот же.

Кажется, Верочка вернулась в Ним уже совершенно с иным, словно бы праздничным настроением. Ее интимная связь с Карпухиным больше не имела продолжения, хотя Антуан в этом совершенно не мешал, проводя большую часть времени в доме на побережье, где устроил прекрасную студию. Доброжелатели нашептывали ей, что часть времени все-таки ее супруг проводит в Монпелье – городке, лежащем как раз на его пути. Он успешно одолел страсть к вину, но не мог сказать то же самое о рулетке. О, если бы только ради этого проводил ее супруг время в этом городе – это было бы пустяком. Но те же доброжелатели продолжали доносить, что в снимаемой Антуаном квартире он не всегда бывает один, нередко его одиночество скрашивает какая-то женщина. Вера решила не обращать на сплетню внимания, тем более, ей казалось, что теперь она уже не имела на это права.

Совершенно новые чувства овладели ею, когда она почувствовала – вот он наступил, тот желанный миг! – она станет матерью. Она вначале безмерно обрадовалась, а затем пришла растерянность, граничащая с испугом. Растерянность из-за того, что, оказывается, нет рядом человека, которому она могла бы вручить сию радостную весть. Антуану? Его родителям? Сергею? Нет, Сергей пускай пока останется в стороне. Кому же? Разве что Симону, но ему-то это зачем? И еще ей нужно алиби для будущего ребенка. Она ломала голову, как это сделать, но как всегда помог случай. Внезапно к ним в гости нагрянули Марк и Юлия Жерюмо, посмотреть, как их дети устроились на новом месте. Вера срочно вызвала Антуана телефонным звонком; она была уверена, при родителях он не рискнет улизнуть на диван, опасаясь скандала, в первую очередь со стороны матери. Когда наступило время сна, ему и впрямь пришлось идти в супружескую спальню, и Вера использовала этот случай безо всякого колебания. Теперь даже трехмесячное отсутствие супруга не имело никакого значения, оно еще аннулировалось и гостиничной анкетой города Бордо, в которой был засвидетельствован факт пребывания молодой супружеской четы Жерюмо в одной спальне. Но это для бабушки Марка, если он вздумает в чем-то усомниться, хотя бы в сроках появления внука. А как быть с Антуаном, она особенно не задумывалась, поскольку была теперь совершенно уверена в его полном равнодушии к ней.

Как бы там ни было, начать ей придется с супруга. Она позвонила в дом на взморье и попросила его приехать; Антуан долго не соглашался, ссылаясь на занятость, наконец, сообщил, что будет, но проездом, ему срочно нужно в Париж. Вот и хорошо, подумала Вера, и я поеду с ним. Он подъехал к дому, но оставил машину на улице, не обратив внимания на предупредительно распахнутые ворота. Она выбежала ему навстречу; высокий, подтянутый, в спортивном костюме, ее муж был похож на какого-то греческого бога. Она по-прежнему любила его, возможно, случай с Сергеем был так, эпизод, выпавший на ее долю невероятным стечением обстоятельств, кои впредь могут никогда больше не повториться. И уже хотела броситься ему на шею со столь радостным известием, но он отстранился, заметив, что ему нужно вначале вымыть руки и умыться с дороги. Он прошел к дому, она же, растерянная, собралась последовать за ним, но заметила в машине на переднем сиденье куртку Антуана и решила ее забрать. Когда она ее приподняла, то едва не вскрикнула: под ней лежала женская шляпка, кокетливая, с лентами. Ей очень хотелось уцепиться за спасительную мысль: заботливый супруг сделал жене подарок, но оставил его в машине. Простая рассеянность, что легко прощается. Вера уже протянула руку, чтобы взять, но тут же отдернула. Шляпка была не новая, явно кем-то ношенная. Очевидно, ее забыли в машине, и теперь куртка наброшена, чтобы скрыть от постороннего взгляда. Положила куртку на место, пристыженная и ошеломленная, потрясенная уже не догадкой, а полной уверенностью, вошла в дом. Антуан мыл руки и, не оглядываясь, спросил с плохо скрываемым раздражением.

– Ты хотела меня видеть. Что-нибудь случилось?

– Нет, ничего особенного. Просто я хотела ... – она запнулась. Она ни за что не скажет ему о ребенке, ни сейчас, ни потом. Никогда. Но нужно как-то закончить начатую фразу. – Я хотела, чтобы ты взял меня с собой. Мне нужно тоже в Париж.

Где-то в самом уголочке ее тяжело раненой души еще что-то теплилось, слабое и неуверенное; вдруг он согласится взять ее, и тогда все подозрения рассеются. Подумаешь, шляпка, мало ли чего могло быть. Но этого не произошло. Антуан вначале растерялся и даже смутился, и принялся расспрашивать, зачем ей в Париж. Было ясно: он ищет веские доводы, чтобы ей отказать. Наконец, он что-то придумал и принялся убедительно говорить о чем-то, но она уже его не слушала. Душа ее замкнулась и стала медленно превращаться в лед.

Прошло немного времени, и отец Антуана снова появился в Ниме, на этот раз один, без Юлии, поскольку это была чисто деловая поездка. Поэтому Вера не стала вызывать Антуана, так как он полностью отстранился от всяких служебных дел. Они долго ходили по перестраиваемому заводу, слушали объяснения мастеров, затем поехали обедать в кафе. Вера еще не решилась, признаваться ли свекру о случившемся, а если да, то в какой степени откровенности. Но Марк Жерюмо оказался достаточно проницателен; он сам заметил, что его невестка выглядит необычно грустной, чего раньше не наблюдалось. Его участливый тон тронул ее сердце, и она призналась, что ждет ребенка. Когда же она увидела его счастливое лицо, то все остальные гадкие фразы насчет возможного разрыва с Антуаном застряли неизвестно где, чтобы остаться там окончательно. А еще старик обнял ее и заплакал.

– Спасибо тебе, доченька! Спасибо тебе, родная. Ну, конечно же, это будет мальчик! – Он на секунду задумался, затем махнул рукой. – Ладно, пусть будет, кто будет. Как сам Бог решит. Все равно – это такое счастье.

Вера поняла, об остальном она будет молчать, чтобы не сделать этому человеку больно. Но своему отцу она рассказала все без утайки. И Моисей неожиданно одобрил ее действия.

– Ты представляешь, Верочка, иногда и в моей жизни случалось нечто такое. Кажется, если сию минуту ничего не предпринять, то ситуация рухнет бесповоротно и под ее обломками пропадет все. Словом, лучше после этого и не жить! И назло все складывается так, что сделать ничего нельзя, и ты сидишь и ждешь, закрыв глаза, неизбежный печальный конец. И тут происходит самое интересное: дело не только не рушится, а само выправляется и обращается к лучшему. Без всякого вмешательства. Мало того, я всякий раз замечал, что некая непонятная сила как бы препятствует этому вмешательству, словно будучи уверена, что все образуется само собой. И не я один, кто-то из моих старых друзей повторял мне подобное слово в слово. Давай подождем, я думаю – все будет хорошо.

Прошло время, и слова отца стали сбываться. Что бы мы делали, размышляла Вера, если бы на свете не было мудрых голов. Антуан, узнав от своего отца о моей беременности, стал ко мне чуточку более внимательным. Но и только. Правда, он навестил меня в родильном доме и забрал оттуда после выписки, и на этом его отцовские заботы закончились. Меня же появление сына захватило настолько, что я, кажется, совсем перестала обращать внимание на мужа, и старалась вовсе не вспоминать о нем. Он изредка появлялся в Ниме, оставлял маленькому Левушке какую-нибудь игрушку или одежду и снова исчезал на долгое время. Марк Жерюмо, наоборот, получив по его собственному выражению законную должность дедушки, окружил внука, а заодно с ним и меня, самой трогательной заботой. Но однажды произошло то, что назревало уже давно и, возможно, было известно в семье Жерюмо не только ей одной. Во время одного из своих редких визитов Антуан сообщил жене о своем намерении расторгнуть их союз. Их объяснение прошло просто и буднично, безо всяких ненужных эмоций. Она спокойно приняла его слова, так как давно их уже ожидала. Он попросил извинения и сказал, что хотел бы сохранить дружеские отношения, просил не обижаться и поклялся помогать ей и сыну. Она уверила его, что не обижается нисколько и тоже попросила у него прощения. И все.

Теперь она ожидала приезда Марка и была готова к самой большой неприятности. После расторжения брака она перестает быть членом семьи Жерюмо, и вероятно ей прикажут оставить завод. В материальном плане это ее мало беспокоило. Я оставляю тебе столько денег, сказал ей отец, что ты можешь жить сама и содержать семью совершенно безбедно, не утруждая

себя никакой работой. Хотя я считаю, нормальный человек не сможет жить полноценной жизнью, не работая. На это способны только извращенцы. Вера согласна с отцом и ей не хочется покидать завод, где только начинает вырисовываться нечто грандиозное. Но больше всего ее беспокоит судьба ее эмигрантской бригады. Ведь получается, она их вытащила из столицы в провинцию, а затем бросила на произвол судьбы? Остается, разве что, содержать их как свою семью. А что – это будет выглядеть просто великолепно: разведенная с ребенком и четыре русских офицера. Ей станут завидовать все вдовы Франции, предполагая, что они, все четверо, вместо одного бывшего мужа! И Вера впервые за последнее время рассмеялась про себя, и ей стало легче. Она из окна кабинета увидела, как Марк Жерюмо вылез из своего лимузина, сделал несколько, как ей показалось, нерешительных шагов и остановился. Это совсем не похоже на ее свекра: обычно этот путь он совершал решительными шагами, заканчивая быстрым, несмотря на годы, взлетом по лестнице. Дверь ее кабинета была открыта, и ей были слышны медленные шаркающие шаги; дышал он тяжело, с присвистом, будто нес на плечах тяжелый груз. С низко опущенной головой Марк остановился на пороге, словно не решаясь войти. И только теперь она все поняла. Старому человеку все это разрушение тяжелее во сто крат, чем молодым – сыну и невестке; у них все это может произойти снова и может быть еще не один раз, а у него? У него же такое счастье уже может никогда больше не случиться. Никогда. И она бросилась к нему навстречу, протянув руки. Он сжал ее ладони и, наконец, поднял лицо. На него было жалко и даже немножко страшно смотреть. Слезы не только переполняли его глаза, они катились по горьким складкам возле рта, складкам, которых еще вчера, она точно помнит, не было. Вера готова стать перед этим человеком на колени, хотя вряд ли ему от этого станет легче. Но зачем на колени, она ведь ни в чем не виновата, она до последнего пыталась сохранить этот брак, хотя теперь ей кажется, что он был обречен с самого начала. Слишком скоротечное знакомство, сговор родителей, после которого стали ненужными ухаживания и любовные страдания. Нечто искусственное, и из него ничего не получилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.